

Е.Н.Пенской
основному лианозовцу 90-х

Всеволод Некрасов

Л И А Н О З О В О

1958

1998

Крыши, крыши.
Что там - под?

жила была кошка
кошка

Ничего.
Новый Год.

просто кошка
без кота

Окна, окна...
Что там - в?

и глядела в космос
из окошка

Ничего
Вы и вы,

из окошка

С чем вас и поздравляю...

и до

- С чем с чем?
- Ни с чем. С Новым Годом

без конца

Ты?

Ты

ЛИАНОЗОВО

Вы?

одно слово

Вы

*еще одно слово
и*

КОНЦЕПТУАЛИЗМ

Много вас
А мы одни

Мы одни

Одни мы

*и да что же это
за лганье
лганье
и лганье*

Все свои

наглым образом

Все мои

лганье за лганьем

ФАБРИКА КАКТУСОВ*

Домики домики

домики домики жмут
жуть муть

ничего же вот живут
же муть же жуть

ничего стоит заводик
корпуса
пропуска

делает
производит
фикусА
и кактусА

кактусы кусачие
как усы кошачие
вот
на подоконнике
глядят
пока на домики
домики по моде
на домики комодики

домики
на домики

много
экономики

* Помню такое название рабинской задуманной картины. К ней есть отличный эскиз. Потом Рабин говорил, что такого своего названия не помнит. Кто его знает. Могло тогда и присниться.

ЧИСЛОВЫЕ СТИХИ

Барак просто барак

2-х этажный барак

3-х этажный барак

много много много много

много много много много

много много много много

многоэтажный барак

Пере ход

Тихий ход

Новый год

Здоровый дом

Темный двор

Черный ход

Черный кот

Страшный

Черт

Мороз крепчал *

как он

это делал

кто это видал

это Рабин

и не один

раз

* мороз крепчал

а нос

как

предчувствовал

Ты луна

это да

и туда и туда

кто куда

поезда

провода

города

холода

ах ха ха

пелена белена

целина

бац

а луна

голубая *

глобальная

то

что луна

то луна

то что надо

над Лианозово

* я писал уже: нигде в моих стихах
“голубой” не значит ничего кроме цвета

Лондон Донн
Биг Бен

Общий Тон
Всё Туман

Рабин Гуд
Рабин Гуд
1960

Рабин Гуд
Гуд

Рабин Гуд Бай
1980

Вери вери гуд
но только
В Санктпетербурге
1993

(Вот
верите вот
Вот)

ВРЕМЕНА
РАБИНА

(большаая картина)

Времена Рабина
Никак не пройдут

Золотая моя Москва

голодаемая моя *

слезам
не верит

чему верит
словам

чтобы всегда бы
повторял я слова

Да?

Нет.

и привет
и от Оскара Рабина

(а свои слова
я повторял да

и повторяю)

* была тогда
молодая

Денно это денно

но ночью

тут-то ладно

там-то зато

вон там вон там

над горизонтом

горит

героически

горит и горит

тыкается

пытается

тыкаться

свет-то

это тот

в этот

вот

и вот в это вот

и вмазано

Лианозово

или не Лианозово

но

промоина

а там

всё

уже возможно

промзона

НО ВОЗМОЖНО
там она
и не пром

НО
зона

зона

зима

ВЗАИМНО

МЫ МЫ
за мир за мир

КОЛИНА ЛУНА

Н.Вечтомову

Луна
она луна

она
луна
луна-луна

луна
луна
луна
луна

наколотая на
Колю

Б.Свешникову

Деревенька

в деревеньке
жизнь вроде
не на деньги

прорыли
канал

кто
рыли канал

народ ходит
едет

теплоход
"Лебедь"

на водохранилище
выходит теплоход

а наверху
тучи

в воздухо
хранилище

там
холодоход

Немухину

Стена
Не стена

Письмена
Не письма

И огонь

И кора

Спорят
Три чурака

- Такая
Эпоха

Другой:
- Вот и плохо

Третий:
- И хорошо

А четвертый

Ничего

Чего

Его
Личное
Дело

Чего ты делаешь
Чего-то ты делаешь
Чем ты доволен
Чем-то доволен

Ока
река
механика
механика
Немухина
поехала
поехала
поехала
поехала

поехала
туда сюда

поехала

туда сюда

поехала
туда сюда

особенно обратно

Ока-то а
Какая

А какая

Такая

Какая Калуга
Какая Калуга

Такая Таруса
Такая Таруса

Какая Таруса
Какая Таруса

Такая Кашира
Такая Кашира

Какая Кашира
Какая Кашира

Такая Коломна

Такая Коломна

Какие какие

Какие Прилуки
Какие Прилуки

Какие-то
и такие Прилуки

Такие
И такие Прилуки

И такие

И такие Прилуки

Такие
Прилуки

Такие стихи

(какая поливка
какая поливка
такая капуста
такая капуста

((а политика
какая политика
порядки
а такие порядки))

Красный ах что платок

и сто рубах
сто порток
не то гусей
лебедей

одних
стеблей
других
людей

куча
Мастерковых Лид
плывет летит

народ глядит

Лида Мастеркова
пишет оркестрово

есть такое слово

нету значит будет

Ока Москва одна река
темна вода

темна вода

смотри
какая темнота
ты посмотри

посмотри

смотри какая
как Москва

смотри
какая там Москва

смотри
какая мы Москва

с Москвы реки
с Москвы реки

в Оку реку
в Оку реку

куда вода
куда вода
так и текла
так и текла

так и теку
так и теку

так и теки
так и теки

только теки
только теки

теки теки теки теки
теки теки

теки теки
теки

теки

теките

Это там
это там

это там
это там

это там

это туман

это туман
это туман
это туман

это туман

Как Ока луга-то
луга-то

как Ока луга-то
луга

а то мало как-то ЭТОГО
маловато

мало
молока-то
мало молока

тумана
молока

тумана
молока

тумана
молока

тумана

молока

тумана-то мало

тумана

молока

Льву Кропивницкому

Выпустили свет
на свежий воздух
выпустили всех нас
на свет
наконец-таки
счас только
и поосвещаться
это счастье
это что счас
фонари горят
смотри говорят
все по лавочкам сидят
и на лампочки глядят¹
(пока по карточкам едят)
освещаются
и обещаются все
не забывать
счастье есть
есть счастье есть
вообще есть счастье*
вообще
в Москве
в электричестве
и в сливочном масле

и электричество
увеличивается
и увеличивается

иллюминация
администрация
цивилизация
кульминация
галлюцинация
Третьяковская галерея

¹ Рассказ Льва: семейство вечерами собирается и смотрит на лампочку.

не война вольно
ноль часов ровно
бой часов спи больше все
равно все больше чем ноль
часов все больше и больше

* До войны жили
не удивительно
вот а вот
а после войны
сплошное было
что
спасибо большое
совершенно небывалое
что-то
выдающееся достижение
жить
мне счас
и тебе тебе еще
счастье

Кропивницкий дед
говорил всё так
Кропивницкий Лев
говорил всё так
Кропивницкий Лев
говорил одно
Кропивницкий дед
говорил одно
Кропивницкий дед
говорил всё так
Кропивницкий Лев
говорил одно
Кропивницкий Лев
Кропивницкий дед
говорил всё так
говорил одно

Запросто до верхних этажей
И к окнам к нам прямо там
Ну
Причаливали
Такси машины
Богатые огнями
Сигналили

А их
Отгоняли

А они
Причаливали

Как новенькие
К окну
И в окно
Во
В оба

В оба окошка

Как обложка

Иллю стрировано

Или
Иллю минировано

Ху дожественно

И газировано

Ну самое мое все оно
То

то есть

С шиком
С блеском

С шипом
С сиропом

И с этим
С синим -

Словом
Со всем

И не по карточкам

Всем Европам Европа

Америка была

Жизнь
Была

И я и был
жизнь

Евгению Леонидовичу
Ольге Ананьевне

Тут и ель и сосна
И береза сама
Тут и куст тут и лес
Тут и хвоя и лист
Тут и зим тут и лет

И чуждак человек
И чего только нет

А чего
Только
Нет

Нету тут

Чинары

Если тут
Чего нет

Значит
И не надо

За полями за лесами
Там и там и там и сям
И где мы с вами
Где вы сами
Топит печку мороз
Белыми дровами

Нашими
Дворами

Вашими
Домами

где Москва

и где
не Москва

и правда

во дворе дрова
вода два ведра

некоторые

И Лев Кропивницкий

нет а Лев прав

а нет прав не Лев

верно правильно
и в Виноградово но

иногда удобно
до Долгопрудного

тут
трудно сказать

сообразить
надо

надо то
надо то

некоторые так
некоторые так

Евгений Леонидыч
Евгений Леонидыч

и Леонид Ефимыч
и Леонид Ефимыч

Леонид Ефимыч Пинский
Лев Евгеньич Кропивницкий

Лев Евгеньич Кропивницкий
Леонид Ефимыч Пинский

Ольга Ананьевна

Только она

Долго
тут говорить

это видеть
надо
было

Мнениями
Между собой
Обменивались

давно
надо

и обменялись

ну а в то же время
и что же
что давно

что значит давно

поздно

нельзя уже

да неужели нельзя

на художника

давно уже
увы
нельзя посмотреть

ну а художника
подавно же можно

(поэты)

Холину

Окна все
распахнутые

А цветы
как пахнутые

А люди
как ахнутые

А это мы

АХОВЫЕ СТИХИ

Ха ха ха ха ха ха -
ах ах ах ах ах ах

А ах ах ах ах ах ах -

ха ха ха ха ха ха

Пушкин-то

Уж и тут Пушкин
и тут Пушкин
и тут

Пушкин
и Пушкин

Пушкин
и Ленин

Пушкин
и Сталин

Пушкин
и Холин

Так кто
Ваш любимый поэт

Пушкин
И Винни Пух

СЧИТАЛОЧКА

Сапгиру

Зима лето
зима лето
зима лето

конца нету

лета зимы
лета зимы

лето
легче выносимо

зима лето
зима лето

на зиме
кончать нелепо

где хочу
там кончу

я хочу
лето

Взять
Сатуновского

да?

а связи

знакомства
среди потомства

Кажется
что всё так просто

всё
не так просто

Опять
взять Бродского

ПРО САТУНОВСКОГО

- Яков?
Яков Абрамыч?

Я -
Яков Абрамыч!

(Вознесенский бы сказал)

Яков Абрамыч
и Яков Абрамыч

И я
как Яков Абрамыч

(я сказал)

Весным весна

сказано было
Сатуновским

ПОЛНЫМ ПОЛНО ВЕСНЫ

и какие были
смыслы Москвы

все
всплыли

"Хочу ли я посмертной славы?"
Ха!
А какой же мне еще хотеть?"

(Лианозовский
недоживший поэт)

""- Тень,
знай свое место!""

(Советский
существующий критик -
этому поэту и нам)

I

Чего чего?
"Тень
знай свое место"?

Тварь
не забывай
чье корыто

Корыто было
Корыто Партии

Продажная тварь
теперь
перепродажная тварь

II

Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода

(Мои стихи
шестьдесят четвертого года

а пригота
она и есть пригота

внизу
наверху

судя по всему
пригота
и пригота * на всех уровнях

судя по результатам

* которая
из мокроты
которая
из-подо все того же
Корыта)

(Лианозово - Москва; 1959 – 1994. Последние стихи написаны (дописаны)
в 94, поздней - мелкие доделки и добавления.)

ПРИЛОЖЕНИЕ
ЕЩЕ ДВА СТИХА

1) Прочитированные в эпиграфе стихи Сатуновского полностью:

Хочу ли я посмертной славы?

Ха,

А какой же мне еще хотеть?

Люблю ли я доступные забавы?

Скорее нет, но, может быть, навряд.

Брожу ли я вдоль улиц шумных?

Брожу,

почему не побродить?

Сижу ль меж юношей безумных?

Сижу.

Но предпочитаю не сидеть.

1967

2) Стихи из тех, с которыми я появился в "Синтаксисе" и Лианозово:

И Я ПРО КОСМИЧЕСКОЕ

Полечу или нет не знаю
До луны или до звезды
Но луну я пробовал на язык
В сорок первом году в Казани

затмение
война
тем не менее
луна

белый
свет
белый
снег
белый
хлеб
которого нет

никакого нет

Я давным давно вернулся в Москву
Я почти каждый день обедаю
А на вид луна была вкусная
А на вкус луна была белая

1959

ИЗ ПИСЕМ И СТАТЕЙ

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ИСКУССТВО"*

Уважаемая редакция!

Насколько знаю, статья Н.Марина в № 9 за 1989 г. "Искусства" - "Евгений Леонидович Кропивницкий - художник и поэт" - первая статья о Е.Л.Кропивницком в нашей печати. И такая статья перегружена на удивление грубыми ошибками! Это просто непонятно: в ней речь о делах 30-35 летней давности, свидетелей которых пока достаточно, и первый из них - Л.Е.Кропивницкий, сын Е.Л.Кропивницкого, причем статья о нем, Л.Е.Кропивницком, помещена здесь же, под той же обложкой, в этом же номере вашего журнала. Цитирую:

"...С 1924 года и до последних дней художник жил в подмосковном районе Лианозово (?) ...Небольшая квартирка в подмосковном поселке Лианозово, где художник жил со своей женой, О.А.Потаповой... Здесь можно было встретить и маститых мэтров, входивших тогда в интеллектуальную оппозицию. Писатель Илья Эренбург, литературовед Леонид Пинский, поэты Борис Слуцкий, Леонид Мартынов, пианист Святослав Рихтер - все они были частыми и желанными гостями в этом доме, куда вход был открыт для всех любителей искусства... Народу поэтому набивалось много..."

Не в "районе Лианозово" - и где такой район? - и даже не в поселке Лианозово художник жил, если иметь в виду именно художника Е.Л.Кропивницкого, а в деревне Виноградово, станция Долгопрудная - от Лианозова через две станции на третью. По шоссе - километров шесть добрых. И не в "квартирке" жил, а в комнатке - около 12 кв.м., да еще с печкой. Поэтому народу много не набивалось и набиваться не могло. Один приедет, двое, трое. Больше пятерых-шестерых - смотришь, кто-то выходит и гуляет. Не были там частыми гостями Илья Эренбург и Святослав Рихтер. Не были и желанными по простой причине: вообще не были никакими гостями, никогда Эренбург и Рихтер в Долгопрудный к Е.Л.Кропивницкому не приезжали. Побывал ли у Кропивницкого Слуцкий - не знаю, но сомневаюсь. Насчет Мартынова подавно. Но что не были они там "частыми гостями" - ручаюсь. Пинский был. До 65-го года - раза два, может быть, три. Я с ним, помню, и ездил - чтобы частый гость не заблудился.

* Журнал "НЛЮ" № 5, 94 г.

А откуда, почему, для чего взялись все эти "маститые мэтры, входившие в интеллектуальную оппозицию" - это понятней после вот такого абзаца: "Евгений Леонидович Кропивницкий был духовным наставником целой плеяды ныне известных на родине и за рубежом, а в 50-60-е годы молодых и гонимых художников и литераторов. В середине 50-х годов они образовали, как теперь принято говорить, "неформальное" литературно-художественное объединение, получившее название "Лианозовская группа". В разное время в нее входили поэты Г.Сапгир, И.Холин, В.Некрасов, В.Ковенацкий, Э.Лимонов, Я.Сатуновский. Прозаики В.Ерофеев и Н.(?)Мамлеев, художники В.Немухин, Н.Вечтомов, Л.Мастеркова, А.Зверев, О.Рабин, О.Потапова, Л.Е.Кропивницкий, В.Е.Кропивницкая, И.Кабаков, Д.Плавинский, Д.Краснопевцев и др."

"В печально известном 63-м году... Он был торжественно предан анафеме за "формализм в искусстве," - пишет Н.Марин о Е.Л.Кропивницком, и пишет в этом случае верно. Так вот в том самом 63-м из начальственных уст "Лианозовская группа" и получила это свое название. В вину Евгению Леонидовичу ставился не только "формализм", но также именно "организация Лианозовской группы". Кстати, не вполне обоснованно. Зато он написал хорошее объяснение: "Лианозовская группа состоит из моей жены Оли, моей дочери Вали, моего сына Льва, внучки Кати, внука Саши и моего зятя Оскара Рабина". Объяснение, надо полагать, хранится в архивах... И так все и было. Поэтому, кстати, и О.А.Потапова, и В.Е.Кропивницкая, и Л.Е.Кропивницкий никак не могли входить "в разное время в нее" - т. е. Лианозовскую группу. Уж их-то членство было постоянное...

Особенно же мудро было бы входить в лианозовскую группу в разное время О.Я.Рабину, поскольку Оскар Яковлевич Рабин-то и был тот самый художник, который "жил в подмосковном поселке Лианозово" - с женой и двумя детьми, в то время малыши. И изо всех перечисленных Н.Мариным только он и его жена Валя, В.Е.Кропивницкая действительно жили именно в этом поселке. До 65-го г. в Лианозове жил О.Я.Рабин, а не Е.Л.Кропивницкий, который, впрочем, частенько к нему наезжал. Особенно по воскресеньям, на воскресные показы картин - как и многие (но не все) из поименованных Н.Мариным. От этих-то показов и болела голова у начальства, они-то, показы, видно и породили в соответствующих органах рабочий термин "Лианозовская группа". Фактически Рабин взвалил на себя третью работу: 1. Работал сперва десятником на железной дороге, а потом брал невероятно трудоемкую поденщину - метровые вычерчивания - в худкомбинате. Детальнейшие: "это как деньги рисовать" - говорил Холин. 2. Писал свои картины. Часто ночами. 3. Взятся показывать свои (и не только свои) картины, и не от случая к случаю, а регуляр-

но по воскресеньям, в единственный тогда выходной день - вместо отдыха. А главное - всем желающим. Как в музее. Приезжай и смотри. И иной день компания сменяла компанию...

Вот тут описание Н. Марина больше подходит: и много народа, и "квартирка" (сперва-то тоже комнатка, году в 62-м освободилась и вторая). В бараке, зато довольно близко от станции - той самой платформы Лианозово, через которую лежали все пути. И если можно говорить о лианозовской группе художников, то это те, кто пользовался этой бесперебойной и сравнительно доступной, удобно расположенной и для москвичей и для "местных" экспозицией. Работы можно было просто оставить. Рабин покажет обязательно. Более или менее близко от станции, от Савеловского, от автобуса жили Е.Л.Кропивницкий и О.А.Потапова в Долгопрудном, Л.Е.Кропивницкий там же, но еще дальше, километра на полтора - до 62-го года, когда он переехал в Москву. Н.Е.Вечтомов рядом с Кропивницкими, в поселке Северный. В.Н.Немухин и Л.А.Мастеркова у Белорусского, у конечной остановки 63 автобуса. И вовсе не упомянутый Мариным Б.П.Свешников у Савеловского вокзала. Остальные же названные в вашем журнале художники, думаю, очень удивились (или удивились бы), узнав, что их берут в "Лианозовскую группу"... Вплоть даже и до Кабакова. И уж во всяком случае с Вейсбергом, например, Рабин был ближе знаком, чем со Зверевым.

Что же до знаменитых людей, то их в Лианозове перебивало множество. Некоторым предстояло стать знаменитыми: помню, покойный Амальрик привез Дж.Мэтлока, тогда еще культурного атташе, с супругой, которого потом за глаза называли Джек Молоток - в значении молодец. Были Де Сантис и Виктор Некрасов, Лунгины и Нусинов, Евтушенко и Вознесенский (не при мне), Назым Хикмет, писатели Гладилин и Аксенов с журналисткой Аллой Гербер. И в тот раз я воздержался от поездки и хорошо сделал: гости из "Юности" принялись читать нотацию...^{*} Но и Рихтер, и Эренбург были по разу. Эренбург же, по-моему, привозил и Слуцкого и Мартынова. Но опять не при мне. Есть фотография: Е.Л.Кропивницкий с Рихтером. Она-то, видно, и попутала. Но снята она под окошками рабинского барака, Рабиным.

Вот с Л.Е.Пинским Рабины действительно были в дружбе. Бывали Пинские в Лианозове и по воскресеньям, и по будням вечером. Бывал и Рабин на "пятницах" у Пинских. Но с поэтами особенная неразбериха. На

^{*} Объяснять надо, на какой сюжет нотация? Конечно, все тот же: они там, отдыхая не зная, терпят выступления, гонорары и публикации, а тут эти, понимаете, сидят и пишут себе что хотят в свое удовольствие...

показах картин бывало, что читались и стихи, но "групп" никаких не было. Над "смогистами" (это уже 65-й год) посмеивались - не как над поэтами, а именно как над "группой"... Бывали Я.А.Сатуновский и В.Н.Некрасов, приезжавшие смотреть рабинские работы заметно чаще других. (Я.А. сразу "заболел" Рабиным, как и я, а я писал уже, как ошалел, увидев собственные стихи - тогда в основном будущие - в изображенном виде.) Бывали близкие приятели хозяина: Сапгир, Холин. И был, естественно, Е.Л.Кропивницкий: сам поэт, кроме того, что художник. Но не было и быть не могло Лимонова - Лимонов приехал в Москву из Харькова в 1967-м, а Рабин съехал из Лианозова на Преображенку в 1965. Так же, как не было и Ерофеева - а если Ерофеев и был, то никто тогда еще не мог знать, что Ерофеев - это Ерофеев. И даже он сам... И опять отчетливо помню, что "общество сексуальных мистиков" под руководством Ю.Мамлеева (Н. Мамлеева не знаю), с одной стороны, и Лианозово - да и Долгопрудный - с другой стороны, были две вещи совсем разные, различные и мало соприкасающиеся. Другое дело, что Лимонов позже был, скажем, в хороших отношениях с Е.Л.Кропивницким, а Л.Е.Кропивницкий - с Ковенацким или Мамлеевым. Но первый Кропивницкий жил в Долгопрудном, второй тогда на Мытной улице. Ни Мытнинская, ни Долгопрудненская группа не известны, или во всяком случае у нас идет речь о Лианозовской. Так ведь? А она была тогда и не группа, не манифест, а дело житейское, конкретное. Хоть и объединяла авторов в конечном счете нечто сходных. Но прекратилась естественно и, в общем, безболезненно с переменной конкретных обстоятельств: мест проживания.

Однако вот прошло 30 лет, и "Лианозовская группа" вдруг зазвучало престижно. И вдруг оказалось, что "Лианозовская группа" - это чуть ли не все. Все, кто сегодня престижны. По крайней мере, по мнению Н.Марина. От Мамлеева и Ерофеева до Лимонова и Кабакова. Называлась же группа так, оказывается, потому, что ее глава, Е.Л.Кропивницкий, жил в районе Лианозово... Ход тем более неловкий, что районным центром был (да и остался) как раз Долгопрудный. Почтовый адрес Евгения Леонидовича начинался: Долгопрудный райцентр... У Е.Л.Кропивницкого хватает своих заслуг. Для чего приписывать ему чужие? К художнику Рабину можно (как к любому художнику) относиться как угодно, но уж "Лианозовская..." Лианозовские показы, надежно действовавшие больше шести лет, были целиком его делом, его заслугой.

89 2

ОБЯЗАННОСТЬ ЗНАТЬ*

<...> В корне, решающим образом дело изменилось не когда все рухнуло - <...> а когда раскрылась первая шелка, появился зазор, люфт. В шелку пошел воздух и свет - и климат, и самочувствие стали в принципе иные. Зазор дал возможность движения. Свободы. Пусть и крошечной - главное, реальной. Хочешь двинься, хочешь нет. Но решаешь сам. Свобода выбора на самом малом участке - уже свобода. Как живая клетка - уже организм. Новое качество. И вот первоклеткой этой самой свободы явилось именно Лианозово: частное помещение с беспремерным для 58 года режимом общедоступной галереи.

<...> Но и этот предположительный риск автор брал на себя, чтобы практически полностью снять его со зрителя, т. е. чтоб обеспечить ему, зрителю, вот ту самую свободу выбора - впервые за 25-30 лет. По меньшей мере. Свободную возможность знакомиться с тем, что свободно делает автор. <...> В той мере, в какой только это - взять риск на себя - могло от него, автора, зависеть. Конкретно: от художника Оскара Рабина.

Словом, живая клетка такой нормальной свободы искусства, свободы на пару с ответственностью, зародилась скачком, сразу. И момент этот, на который я чуть-чуть опоздал, при желании можно датировать совершенно точно - стоит спросить Рабина, когда он отворил дверь барака первым незнакомым гостям. И понятно, почему такой скачок, обо что автор смог опереться так крепко. Просто самого его подпирало, на него напирало его искусство. Слишком уж оно было бесспорным фактом. <...> Требовало заявить о себе. Рабин это Рабин. <...> а тогда, больше 30 лет назад, просто не знаю, с кем, с чем его можно было сопоставить - и не только как явление живописи. Да при том голоде на новое, современное искусство. Приезжали не на демонстрацию протеста, а на демонстрацию картин. А дальше уже дело зрителя, как отнестись. В том и свобода. Хочешь - знай, смотри; не хочешь - как знаешь.

Так? Думаю, не совсем так. Совсем так, может, и было бы в нормальных условиях. Но ведь в том и дело, что такие условия были как раз только в рабинской конуре. Что такое свобода, как не те самые нормальные условия: хочешь - пожалуйста, нет - как хочешь... Но кругом-то все как раз наоборот. Мало ли что хочешь ты смотреть Рабина. А ты смотри члена МОСХа... Сажать за искусство - просто за искусство - действительно перестали. В столицах по крайней мере. Опять соберутся к 80-м. Дело

* Отрывки из статьи. Полный текст см.: НЛЮ, №5, 1994; Пакет. М., 1996.

Бродского будет исключением и даже не подтвердит - утвердит правило. Начальники убедятся - себе дороже. Тогда опять сажать надо всех... С не разрешенным, вне системы искусством система борется другим способом, но так же тотально: не допускает к заработку, не допускает к публике. Несуществование неразрешенного искусства обеспечивается намеренным, целенаправленным незнанием и организованным непризнанием. Вне системы не должно быть искусства. Не может быть свободы в системе. Ешь, что дают. Дядя знает, что тебе вкусно. Но если против репрессий уничтожением выступить мог только герой, то против репрессий незнанием при желании мог выступить любой не слишком ленивый. Выступить, не выступив, просто узнав, ознакомившись. Шевельнув, что называется, пальцем. Героем быть никто не обязан. А вот пальцем шевельнуть... Даже если шестикратно шевельнуть, набрать номер. Да даже и съездить на полвоскресенья за три станции от Савеловского. В крайнем случае. Нет: когда не знать велено, когда идет расправа именно системой организованного незнания - тогда возможность знать есть, очевидно, и обязанность знать. По крайней мере для того, кто занят искусством. Подавно, если занят профессионально...

И уж подавней подавнего, когда его профессия - именно знать.

90 г.

Статья* "Обязанность знать" была написана для выставки "Другое искусство" по согласованию с Ириной Алпатовой, готовившей выставку, и принята ею без замечаний. Имелось в виду, что статья пригодится для буклета выставки. Однако она не попала не только в буклет, но и в сборник "Другое искусство", куда вошли мои лианозовские воспоминания, хотя должна была служить их самой существенной частью в смысле выводов (что видно из первых строк). Причем не попала внезапно и неожиданно для меня: просто в верстке, которую надо было подписывать спешно, как водится, в последний момент ее не оказалось. Так же, как и письма в журнал "Искусство" по поводу странно запутанной статьи о Е.Л.Кропивницком в № 9 за 1989 год. В письме излагалась моя точка зрения на историю "Лианозовской группы", ее состав и происхождение самого этого названия. Словом, письмо было второй важнейшей частью моего лианозовского материала в "Другом искусстве" - уже с точки зрения фактов. Письмо было направлено в журнал в конце ноября 1989, но по недоразумению не в "Искусство", а в "Творчество". Ранее тот же сдвиг (Е.Л.Кропивницкий как глава "Лианозовской группы") вылез в статье И.Дудинского "Янтарь и щебень" в "Сов.культуре" и на однодневной ретроспекции лианозовских художников в "Эрмитаже" Бажанова в 1987 г.

* НЛЮ, № 5, 1994.

В "Сов.культуре" фамилия Рабина просто не упоминалась и Лианозово с Долгопрудным путались, даром что Дудинский употребил стиль мемуаров. В "Эрмитаже" в первых рядах сидела группа личностей, при упоминании фамилии Рабина дружно возмущавшихся на всю аудиторию: "Что они делают! Они же сами все дело губят!" И. т.п. В виду имелось, надо думать, дело перестройки. Все это мне не нравилось, и в январе-марте 88-го я устроил вечер рисунков Е.Л.Кропивницкого и магнитофонных записей его же, Сатуновского и Соковнина в клубе "Поэзия" и лианозовский вечер в клубе Истории Современного Искусства с большой (три-четыре сотни работ, стоявших по стенкам и лежавших навалом на столах) эскпозицией, прослушиванием записей, чтением стихов и воспоминаниями, постаравшись прояснить отношения между Лианозово и Долгопрудным, и хорошо помню, как в клубе подошел ко мне знакомиться Н.Марин (псевдоним, кстати), заинтересовавшись именно этим рассказом. Понятно, что после всего этого статью Н.Марина в "Искусстве" я уже никак не мог оставить без внимания, как и некоторые последующие эпизоды в том же роде; кто бы и из каких интересов ни пытался оттереть Рабина, в конечном счете он работает на тех, кто, выдворив обманом Рабина из страны, старается теперь выдворить его из искусства. Безнадежное, кстати, дело. Хоть по видимости пока и успешное: ни словечка ни в какой прессе про первую рабинскую выставку 91-го, вторая - в 93-м и то не в Москве, где Рабин жил и работал - конечно, позор. Только не для Рабина.

А с письмом так. Ошибка - перепутанное название журнала - обнаружилась аж в феврале. И редактор, Инна Ефимовна Шатенштейн, очень артистично удивилась, углядев на обороте последнего листка письма мой адрес и телефон. Оказывается, она три месяца не могла найти - где они в письме, и просто не знала, что ей с моим письмом делать.

Ну, ладно. Письмо отправилось-таки по назначению в феврале, в марте 90-го я имел удовольствие (непреднамеренное) лично объясняться на те же темы с редактором "Искусства" Михаилом Боде. Журнал этот протянул еще до конца года, но никаких следов моего письма в нем так и не появилось. Ирина же Алпатова удивилась еще милей Инны Шатенштейн: оказывается, она почему-то думала, что письмо я это дал ей - ну, так просто. Все остальное - да. Дал в качестве материала для сборника. А вот это письмо - ну, мало ли. Так, знаете, дал почитать. Как чтиво... Вроде детектива. А что - нет разве? Но и остальной мой материал, предназначенный для сборника "Другое искусство", носил следы бесцеремонного редакторского вмешательства, так что я попросил убрать его из "Другого искусства" вообще, целиком. Это, однако, Ирину Алпатову тоже не устроило. Компромисс: из сборника вылетело еще две-три мои статьи на

другие темы, зато появилась странная помета: "Редакция приносит извинения автору за изменения в тексте и составе статей, сделанные без его ведома и согласия", живо напомнившая сам- и тамиздатские времена, нравы и обычаи. Не могу сказать, что горжусь своими лианозовскими мемуарами как шедевром прозы, но уверен, что Ирина Алпатова их лучше не сделала, и надеюсь при случае все-таки воссоединить их и реставрировать. А пока прошу читателей, кому попадалось "Другое искусство", сделать это мысленно хотя бы отчасти. <...>. Стоит тут сказать и вот о чем. Не знаю, сколько всего народу прошло за 7 лет через Лианозово, но как ни прикидывай, счет должен быть на тысячи. Разговоры с гостями "о политике" не заводились и особо не поддерживались - по вполне ясным причинам. Но Лианозово, конечно, было политикой, да еще какой. Работало оно как идеально построенная организация, так что классовое чутье в некотором смысле и не подводило власти, когда они целились шить лианозовцам "группу", власти были по-своему правы, хоть и целиком виноваты сами: все же, видимо, надо было им решать или - или. Или удушить, или дать дышать. А что искусство согласится задушиться само, из лояльности - такой расчет если был, то не оправдался.

Времена были попроще, только-только из-под Сталина, подлости, конечно, хватало, но и подлость была как-то проще. И всем ясней - старая, во всяком случае, подлость. Новая только начинала проявляться. И у служивых либералов, партией допущенных изображать прогрессивную литературу-искусство, хватало тогда хотя бы мозгов не высказывать с приветствием: "Тень, знай свое место" - авторам, выходящим из 30-летнего небытия, иные из которых и вправду успели за такой срок отойти в мир теней. У кого бы не хватило, по такому шустрику сразу можно было бы заказывать *гражданственную* панихиду... И наука как не знать близко не достигла еще той степени развития. Нынешние вершины мировой славы ей могли только грезиться. Такой же ученый, скажем, как Леонид Ефимович Пинский, сам только-только из лагеря, и был самый-самый заядлый лианозовец. А это значило: посмотрел сам - покажи другим. И все держалось именно на этом принципе. То, чего пытаются добиться, выстраивая сложные системы ячеек, троек и пятерок, чтоб они ветвились и разрастались, здесь происходило само по себе, за счет живого интереса людей к искусству - прежде всего, безусловно, к работам Рабина.

Складывалась действительно, наверно, идеальная организация без организации. Самоорганизующаяся, самостроящаяся постоянно, ячейка которой - купе электрички, где кто-то из троих-шестерых, гляди - в следующее воскресенье сам соберет у касс Савеловского такую же кучку. И чем больше проймет Рабин или восхитит Дед Кропивницкий, тем сильнее будет икаться начальству, которое их не допускает до публики, и тем

активней поедет, раз так, публика к ним: активней, сплоченней, злей даже - чего не было бы, будь тот же Рабин доступен для обозрения. И пойдет, выражаясь по-нынешнему, процесс формирования не только взглядов, но и связей, навыков и отношений уже именно что диссидентских.

"АНДЕРГРАУНД"*

Действительно, какой еще "Андерграунд"? Откуда это? При чем тут английский - у каких англоязычных могло быть такое? Где? Еще скажите "Контркультура". Марихуана...

Мы всего-то пытались быть нормкультурой - когда положена была культура исключительно СОЦ. Спец. И настоящее название "андерграунда" - "другого", альтернативного, параллельного и пр. и т.п. искусства очень простое (о чем я уже писал) - искусство без подлости. В отличие от искусства не без того-с. Поскольку искусство с позволения сказать всегда будет не без того-с, а мы и отличались тем, что 10, 20, 30, больше лет позволения не спрашивали и так и не испросили. Как бы ни было это обидно теперь всему липучему и могучему Союзу Советских Приятелей. И искусство без подлости - никак не "другое" - да нет, оно-то и есть настоящее, нормальное искусство.

Обыкновенное - как у людей. В принципе. Таково ясное правило. Другой разговор, что жить и 10, и 20, и 30 и больше лет, делая искусство не за бесплатно даже, а за по шее - это могло, конечно, удаваться только в каких-то исключительных случаях. Таких оказывались единицы. Ну, десятки. Тогда как искусство системы, искусство не без того-с - это десятки тыщ. Из них не могло не набираться сколько-то своих исключений, сколько-то изживавших подлость положения с позволения сказать своим искусством в рабочем порядке.

Но исключения - это уже нюанс, тонкость. А тут не до нюансов. Покуда в адрес искусства без подлости от лица искусства системы раздаться может такой вот не из тучи гром, а, скажем так, отрывка прошлого: "Тень, знай свое место" И на коммунистов не спишешь - уже осень 91 года. Это сказанул, так сказанул. Как в лужу дунул. И весь их Союз, все 10 тыщ Советских приятелей, все тут, и с каждого назад в эту лужу стекает. Кап. Ляп. Громкий звук раздается, толстый журнал издается, автор специфичного звука себя чувствует как ни в чем ни бывало. Мельтешит, не конфузится - ибо не находится исключений. Ни один из десяти тыщ, уже разбредшихся по десяти союзам, не хватился - из какой сказки тень. Сказки "Тень", или из сказки "Дракон"

Украив победу над Драконом, влезли на его трон и ждут, что явившийся, как они думают, с того света Ланселот сейчас послушается их и

* НЛЮ. № 5. 1994. Пакет.

отойдет назад, в мир теней. Дождитесь. Не печатали мол вас тридцать лет, и не будем. Очень уж вы плохи.

И не вступит приятелям ни одному. 10 тыщ раз так и не стукнуло, что будь мы и совсем никуда, - кто без подлости - будь вообще одни графья хвостовы, а они - кто не без того-с - сплошь пушкины, все равно первейшее ихнее дело было бы - сказать нам спасибо. Для приличия. За то, что сколь угодно плохо (допустим)* как умели, но упирались, держались мы эти десятки лет, и хоть формально (предположим) обозначали, символизировали саму возможность быть в этой стране искусству без позволения. Не из-под партконтроля. Помимо системы. Независимо от "оборонного" комплекса. Спасибо, очевидным образом необходимое для порядка. Для начала.

А там бы уж разобрались полегоньку, кто Пушкин, кто Некрасов. Зачем Чухонцев, почему Битов, что Евтушенко. Откуда Кедров и для чего Пригов. Случай элементарный, в сущности. "Место"... Место теста. Тест простой. Время - сколько - 7, 8 лет - было. Народу их - 10000 минимум. И ни один из 10 тыщ тест не прошел, сказать спасибо не догадался.

С чем позвольте Союз Советских Приятелей = Советских Писателей и Советских Печатателей и поздравить.

Теперь понятней, кто такие, где мы живем? А вы говорите, нюансы... И позвольте вам с нашего места - как с соленого теста. Прошу

93 г

(Вот тут и думай: а не посвятить ли теперь этот текст про тест хоть бы и писателю Маканину?)

Заслуженному Члену Союзов, Лауреату Премий Букера Пушкина Топфера и автору художественного произведения как раз с таким названием: "АНДЕРГРАУНД"...)

98 г.

* Вообще же. если мы такие плохие
а они такие хорошие,
чего ж они тогда такие нахальные
и такие блатные?

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"*

Дорогая редакция "Литературной газеты"!

Вопрос - можно? Что, известная "Школа для дураков" опубликованного в ЛГ, наконец, Саши Соколова и школа концептуализма, основатель которой, по словам Евгения Попова, помещенным на той же полосе, там же опубликованный Пригов - так вот две эти школы, это одно заведение, или два?

Если одно - вопросов больше нет. А если два разные, еще вопрос - уже риторический: с чего это Евгений Попов взялся раздавать в ЛГ майки лидеров авангарда и лавры создателей школ концептуализма? С каких пор и, главное, с какой стати?

<...> Дело-то еще и в том, что подобрать создателя явлению, которое называют концептуализмом - это не так просто. Или, если угодно, основатель концептуализма - Женя. Но не Попов, а Евтушенко. Как и Андрюша. И Вася. И Белла. И Роберт - ну, Роберт тем более. Они-то и основали, сформировали, выявили у нас этот самый концептуализм еще тогда вот - на исходе 50-х. Только основали они его от противного.

<...> Концептуализм и было такое, что было не Белла и не Роберт. Не Женя. Да и не Андрюша, не Вася 60-го года <...>

Скажу хоть про себя: никогда не считал, что члены КПСС сплошь нелюди или члены СП обязательно неписи. Бывают исключения (в обоих смыслах). Окуджава член СП. Да хоть Кушнер. Но вот комсомольским огоньком отродясь не горелось, а после 53 года тем менее. Обидно было за Васину маму и неудобно как-то за Васю и за Васиных пафосы со всеми его звездными коллегами. От коллег старались - подальше. И в художественном отношении. Стремление было обоюдное, а разница простая: для них подальше от нас - значило на страницы печати; для нас подальше от них - подальше и от страниц.

Попов в ЛГ пишет: "Говорят, что Пригов - лидер авангарда..." Сам не слыхал, врать не стану. А так чего не скажут, бывает: например, будто серьезный выход сразу шестерых таких из нашего брата на страницы: аж в Цюрихе в 75 году, сборнике "Свобода есть свобода", но с текстом по-

* Справка. М., 1992; Пакет. М., 1996.

русски, переводом и надписью по-немецки - "русская неофициальная лирика" - будто он-то коллега и обеспокоил, он будто и породил "Метрополь" как первый наш ответ (потом будут и другие). Наш ответ вот этому самому Ну, который еще и не называли тогда концептуализмом. А называли по-другому По-разному.<...>

Холинский повтор, параллельные строки Бахчаняна,<...> вообще характерный жест отказа от традиционно понимаемой художественной техники, когда читателя как бы втягивают в проблемы и в сам процесс, ситуацию стихописания, занимаясь уже по сути больше с читателем, чем со стихом - тот, короче, *концептуализм*, который Пригов демонстрирует в ЛГ 90, все это явилось на страницах сборника "неофициальной лирики" 75.

А было, выявилось и существовало себе вне всяких печатных страниц и еще лет за 15 до того. Стихосложение вроде выхода коверного, который и уметь умеет как акробат, и умеет не уметь - как зритель. <...>

Май 90 г.

ВЫ ПОЗВОЛИТЕ, Я ВСЕ ЖЕ ОТВЕЧУ

Искусствовед Екатерина Деготь, стимулируемая Сорокиным (см. журнал "Пушкин" № 4, на обложке), в журнале "Итоги", редактируемом Пархоменко, а финансируемом Гусинским (см. в оба), фактически заявляет, что Лианозово было кооперативом по продаже картин.

Деликатный вопрос: какого заявитель года рождения? Допустим, где-то между годами 1958 и 68. Весь век "ЛИАНОЗОВО" - годы 58-65. Выходит, свидетельницей возможно сомнительной(в отличие от заведомо безупречной - самого, к примеру, г-на Гусинского) финансовой лианозовской деятельности заявитель лично быть не могла. Тогда еще вопрос: откуда же у заявителя такие данные, позволяющие делать такие заявления?

Даже Народный Суд Фрунзенского р-на Москвы в 65 году, ссылая А.Амальрика с принудительным привлечением, даже он со всем Комитетом ГосБезопасности, разрабатывавшим связи Амальрика с иностранцами, с теми же лианозовцами и т.п. не меньше 2-х лет, всего-то и смог пустить Амальрика по статье за пресловутое тунеядство - т.е. буквально ни за что.

Будьте уверены, найдись зацепочка, советская бы юстиция не упустила *незаконные* (в 65 году) *источники обогащения* - не на пару бы лет высылки зацепили, а, главное бы, зацепили не одного Амальрика. Не усидел бы и Рабин в зале суда на местах для публики. Участковый в форме говорил "фарцовка"... Так это тогда называлось. Не вышла фарцовка. Искусствовед - в штатском, надо полагать, - пишет "кооператив"... Это было бы неплохо - кооператив... К сожалению, это было невозможно.

А картины продавать - насколько знаю, случалось. И Рабину, и, скажем, Вейсбергу И Немухину, и Краснопевцеву И Звереву или Плавинскому И Кропивницким, и всем - куда реже, чем надо бы. А мастерская, машина были, кстати, не у них, а у Кабакова - героя статьи Екатерины Деготь - и, кстати, хорошо, что были.

98 г.

После этого просто неправильно было бы ожидать в "ИТОГАХ" про ЛИАНОЗОВО (в данном случае про программу А.Д.Глезера) чего-то, кроме кислотности, и для свежего читателя "Итогов" (№ 12 98 г) итоги прочтения "ЛИАНОЗОВСКОЙ ШИНЕЛИ" Ф.Ромера - никакая там не "шинель", но лианозовская экспансия, засилье и, говоря прямо, лианозовская диктатура... А "ШИНЕЛЬ" - это для литературности. И вряд ли кстати - но об этом чуть позже.

Берем из Ромера три-четыре примера: "Сама собой сложилась легенда, что Лианозовская группа не только одно из значимых явлений неофициальной культуры 50-х 60-х годов, но и..." и тдтп; "Воссю пылают костры амбиций..."; "Устроив выставку "Лианозовская группа: истоки и судьбы", администрация [ГТГ] пала жертвой пробивных способностей..."; "Общая аура бесконечных посиделок за водкой и чаем сначала в долгопрудненской квартире Евгения Кропивницкого, а затем в лианозовском (отсюда название группы) бараке Оскара Рабина важнее реальной художественной продукции участников этих бдений." и тдвтжр = в том же роде, как видим, и плавный ввод в искусствознание - и в этом роде же и искусствознание. Кислое. И горелое, и подзатухшее,

Но не в том дело, какое оно, и не в том, что начинается с ляпсуса ("Мне Рабинович напел" - как пишет дальше сам Ромер - в смысле "Искусство" 89 попутало - см.стр 38 - и вся аура... Аура ау... Или аура так ясно вычитывается из самих работ? Ну, тогда это интереснейшие работы - за одно это...) Дело в том, что искусствознание здесь пока вообще не при чем. До него еще нам тут - рость и рость... У нас пока еще вон что: все то легенда, что сложилось само собой. Помимо Ромера...

Не при чем шпильки Глезеру и самой ГТГ, оскоромившейся якобы выставкой современных художников. Не при чем "костры амбиций" - представляете: суд. Дело о присвоении - воровстве, проще сказать - и адвокат начинает речь: "Пылают костры..." Класс.

А все совсем просто: нравится Глезер, не очень нравится - а сказать бы теперь уже СПАСИБО Глезеру, что помог устроить Третьяковке хоть в 98-м такую выставку, с каких, как пить дать, обязана была начинаться любая "перестройка" и демократизация художественных дел еще в 88-м. 86-м. Если бы не начинали ее так, как начинали. В открытую криво. И вся любовь. А хоть бы и не любовь.

Любит Ромер, не любит Ромер...

Было Ромеру задание - итоговое, и Ромер с заданием справился* - маленько только ошибку давал: Гоголя задействовал. А не стоило бы. Что такое "ШИНЕЛЬ"? Повесть об обворованном. Кто и обворован, как не ЛИАНОЗОВО? Кем? А самим вам как кажется?

ВОРОВСТВО ЧУЖОГО МЕСТА ЕСТЬ ВОРОВСТВО

Чем вам не И Т О Г И? Итоги сказанного хоть выше, хоть ниже.

(оскоромиться же ГТГ уже случалось Янкилевским, Штейнбергом, Харитоновым, Шварцманом, Яковлевым, Колейчуком: имен десятка полтора-два, не меньше.)

* Но это - с этим заданием, *данным*. Узко специфичным. Беря же чуть пошире - что можно сказать...

Жил Ромер,
жил, да так пока и не
добился хоть сколько-нибудь убедительных результатов.

В ДИРЕКЦИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

Уважаемые организаторы предполагаемого мероприятия - моего выступления в ЦДЛ как поэта-лианозовца 26.2.98 г.!

Хочу спросить кое-что. Во времена Лианозова я получил рекомендацию Бюро Пропаганды Союза Писателей - право читать свои стихи публично за 8 рублей. (Получил, кстати, в этом же здании ЦДЛ.) За 20 читали тогда члены Союза Писателей. Но и за 8 выступить мне так и не дали. Ни разу, даже когда к ним обращались, запрашивая именно меня* Последний раз уже лет 8 тому, при демократии: секретарь И.Л.Холодова объявила, что ввиду полного отсутствия у меня выступлений по рекомендации за все это время рекомендация моя аннулирована, и надо мне добывать новую. Больше в ЦДЛССП я не наведывался.

И раз мой авторский вечер оказался объявлен в программе ЦДЛ (о чем, между прочим, из ЦДЛ никто мне не сообщил), я и спрашиваю: а не хочет ли теперь ЦДЛ заплатить мне наконец за выступление деньги, положенные еще 35 лет назад? Хотя разик.

Примем те 20 р. равными 200 этим деноминированным - для простоты, хоть батон тогда стоил 13 копеек, а не 30. Во всяком случае, за каких-нибудь р. 80 возникать теперь в ЦДЛ не хотелось бы. Если за все это время автор В.Н.Некрасов не набрал статуса и веса члена Союза - не тянет и на старые 20 - тогда Союзу просто не стоит и обращать на него внимания. Явно же. Что, впрочем, Союз и старался делать все эти годы.

Понимаю, что сейчас союзы не те. Так, по крайней мере, говорят союзы. Но не думаю, что новый Союз от старого воспринял только хозяйство ЦДЛ. Точней, отлично знаю это - на собственной авторской шкуре, продолжая при обновленной якобы литературной системе влачить практически все то же уверенное литературное несуществование. Воспринят и прежний опыт - в основном. Чем-то Главном. ССПКПСС не умер, а пахнул так он всегда. Не брать в счет 4 страницы в "Дружбе Народов" 89 г., так чтение в ЦДЛ вообще бы выглядело моим дебютом во всей Системе

* Мне повезло: я мог брать и брать к ногтю систему там, где она сама подписала о себе протокол. Грошовый, 8-ми рублевый, но отчетливый протокол о произволе. Своим произволе в моем деле - сама подписалась, что сама признает профессиональную состоятельность автора и сама плюет на нее.

И что Союз Советских Писателей *профессиональная* организация - рассказывайте Проферу, Пфефферу Топферу. (из книги "Пакет" как раз на темы все тех же дел-отношений с ЦДЛ и ССП и т.д.)

Большой, Настоящей и т.п. Литературы... Новой, как и Старой... Не поздно мне для бескорыстных радостей по такому случаю?.. 200 р. новых в этих обстоятельствах - символические, можно считать, деньги; вот пусть и символизируют-означают, что не ради все-таки чести-радости впервой в жизни выступить в славных стенах ЦДЛ лезет на трибуну ЦДЛ автор с сорокалетним стажем. Символизируют и напоминают подзабытую азбуку: не ЦДЛССПКПСС и т.д. и т.п. делают литературу, и не автору зависеть от них.

Так или иначе, даром стихи читать в ЦДЛ я уже не пойду, а на чтение, если оно будет, прочту и этот вот текст. Считаю, что и вся история ЛИАНОЗОВСКОЙ ГРУППЫ и позорный - не для "ГРУППЫ" позорный - юбилей успешной организации, по сути, 40 лет небытия ЛИАНОЗОВСКОЙ ГРУППЫ обязывают, прямо ставят меня в такую позицию. И собственно авторскую, и не только собственно. Да и не только авторскую.

(Отправленное с уведомлением письмо вызвало яркий ответ: на талоне уведомления, присланном назад из Дома Литераторов, в положенной графе стояло: нет дома.

Скорей, правда, остроумно, чем убедительно: нет дома, нет литераторов - нет - ну, а все-таки: что же есть-то?..

Мой, во всяком случае, вечер все-таки имел место быть в этом самом Доме на самом деле - правда, не 26, как было объявлено, а 27 II 97. Но обещанное я исполнил, и хотелось бы сказать спасибо А.Д.Глезеру, устройтелю Лианозовских программ 98 года и, конечно, всем, кто на вечер пришел.

А Булгаков - он и мой любимый писатель.)

98 г.

ПРОШУ ИЗВИНЕНИЯ

В "Пакете" ошибка (первая, известная мне: оказывается, не была Ф.Г.Раневская ученицей Мейерхольда - и даже отнюдь; просто я, значит, повторил на веру где-то прочитанное).

Вторая ошибка неприятнее: тут на веру я повторил не читанное где-то, а слышанное в свое время с разных сторон: будто Александр Давыдович Глезер, вывезя отсюда в 70-е свою коллекцию современной живописи с помощью иностранного гражданина (я писал, как все тогда говорили: дипломата), выразил ему затем публичную благодарность.

А.Д.Глезер отрицает это, и вполне убедительно: предлагая - раз благодарность якобы публичная - указать, где же и когда она опубликована; и утверждает, что слух о такой благодарности пущен ГБ, чтобы его опорочить.

Очевидно, так оно и есть, и придумано, надо признать, неглупо: не доверять слуху именно о публичном выступлении может и не придти в голову. Мне, например, так и не пришло. А пока люди разберутся, время уйдет. Так и вышло.

Сожалею, что, выходя, по недомыслию способствовал провокации. Но хочу повторить. поверив слуху о странной якобы выходке А.Д., к объяснениям этой выходки через связи якобы А.Д. с чекистской силой (а к таким объяснениям слух и подталкивал, для того, значит, и был пущен), зная А.Д., я не склонялся. Как, кстати, и мои знакомые. Объясняя все, скорей, особенностями характера А.Д. и манеры поведения. И, очевидно, особенности эти сильно преувеличивая - в чем, опять-таки, остается теперь раскаяться и извиниться.

ЛИАНОЗОВСКАЯ ГРУППА

ЛИАНОЗОВСКАЯ ШКОЛА

(1958-1988 + 1988-1998. Вот так.)*

Может быть, все дело в том, что у Рабина в Лианозово в 58-м были: жена, детей двое, свои картины, каких не было ни у кого, — и не было телефона. Почему и пришлось ему с самого начала вести себя необычно определенно — пускать смотреть эти картины по воскресеньям всех желающих, помнится, не отправляя назад в Москву никогда никого ни при каком гриппе. Не то бы кто и поехал, кто бы что там и увидел. А видеть там было что. И Лианозово не скрывалось. помещение, фактически объявленное открытым для посещения.

Потому там было без игр. Без игр и затей с начальством, в которых так наострились те же Евтушенко-Вознесенский², и без других затей — без конспирации и без организации. На чем специализировались поздней другие люди — сплошь и рядом, впрочем, не в пример прочим, сами-то по себе люди доблестные. Но в нашем деле все-таки дело не в самой по себе доблестности, а в нашем деле, как всегда, дело в деле.

Я туда попал в 59-м, не с самого начала (58-го) и не могу сказать — на чужом или на собственном опыте убедился Рабин, что затевать каждый раз насчет каждого посещения какие-то переговоры через кого-то — вязко, муторно и несерьезно. Целиком всякий раз от этого кого-то зависеть, а в конечном счете всегда зависеть от того же ГБ. Телефон легче контролировать, чем Савеловскую дорогу, хоть были и такие поползновения. А подходы к барaku — берите на здоровье под контроль и наблюдение. Я художник, показываю свои картины. А что, нельзя? Тогда так и скажите — ОПРЕДЕЛЕННО.

Лет через 10-15 как раз за такую определенность и пойдут на посадку люди диссидентской волны — чаще даже за одну возможность выкрикнуть, выступить, подписать, потребовать определенности. С определенностью потребовать, наконец, определенности и от властей — это опреде-

* ПУШКИН, № 5, 1998.

² И давайте не забудем. Давайте не будем. Лонжюмо не забудем, не забудем Б- - -скую ГЭС. "...Считайте меня коммунистом!" — ну как же, как не уважить просьбу мэтра (этим словом Евтушенко недавно обозвали "Известия"), мэтра старого молодого кадра, высказанную печатно году в 60-м, во вполне сознательном возрасте, — не будем, наконец, наводить тень на плетень, а вот считать — считать давайте уже так и будем.)

ленность поведения героическая, демонстративная, жертвенная. С отчаянным расчетом — самим сесть, но лганье советское наконец достать, припереть, загнать в угол и заставить выставиться на общее обозрение.

Упаси Боже задеть как-то наших диссидентов — в принципе диссиденты = герои и диссиденты = художники, корифеи русского национального искусства XX века — политарта, политического концептуализма — это когда концепция идет впереди реализации изначально, по самой постановке вопроса, а демократический вождь масс идет впереди масс при очевидном и заведомом масс отсутствии, имея единственной реальной целью заявить свою позицию, голый концепт. Заявить вообще и конкретно — гебушке. Это и называется идти на посадку. Подразумевается: на взлет.

И хихикать тут не приходится. Не говоря, что не приходится хихикать автору, терпеть не могушему ничего элитарного и тоталитарного, автору = читателю по натуре и воспитанию*, автору = читателю на самообслуживании, при с очевидным успехом организуемом отсутствии читателей у этого автора... Но важнее то, что хихикать тут не приходится никому. Во-первых, взлет он и есть взлет; какие бы ни имели место в дальнейшем маневры и приземления, а взлет остался... А во-вторых, мы уже, кажется, иногда забываем, что остался этот взлет и в другом смысле, простом, конкретном: в смысле реально подействовал.

И если уж говорить о драме диссидентского движения, то такая драма отнюдь не в какой-то якобы оторванности-беспочвенности, фантазерстве и прожектерстве. Да наоборот же: просто трудно подобрать пример, где, когда подобное движение дало бы такой ясный, скорый и успешный результат.

**) я чего хочу сказать*

чукча

читатель

хочет чукча читать

чего хочет чукча

и чего только нет

а такого нет

чувствую что хочу

думаю что могу

хочется почитать

и приходится что

написать это

И если говорить об успехе диссидентского движения, то... то о нем и говорить странно: успех вот он. Он и в том, что мы говорим и пишем, а главное, в том, что ходим мы пока по земле заодно с теми, кто ярится на нас и на то, что мы говорим-пишем; ходим, а не гнием в бункере и не пошли прахом заодно с ними всеми, кто на это ярится, а заодно и со всеми остальными на всей земной поверхности — в последнем и решительном бою великой битвы величайшей борьбы против человечества, в которой вскармливали-растили нас 70 лет. Как-никак.

Если же говорить о стремительном извращении результата, то, с одной стороны, разговор это долгий, все тот же, а с другой — почему бы и не считать именно этот вот данный текст одним из эпизодов именно такого разговора?.

Было когда-то в шахматной литературе такое техническое выражение: избыточная защита. “Избыточная” в значении полезная. А то и необходимая. Когда фигура, поле защищены больше одного раза. Тогда у них другое самочувствие и другое значение. Диссидентам сочувствовало множество народа, только диссиденты выступали, а другие — нет. Мы же мало сказать сочувствовали диссидентской позиции — вполне, думаю, можно сказать, что у нас была такая же позиция, только выражалась она по-другому: мы не выступали, а мы стояли на своем, И на чем стоять, это свое у нас было. Дело в этом. Нашего реального результата не надо было дожидаться 30 лет, 40 лет. Какой-никакой, он уже был наработан нами же тогда, сейчас и здесь.

(И извратить его — и сейчас все еще проблема. Решаемая с непрерывным успехом — но все-таки все как-то не до конца. Лонжюмо в составе Вознесенского и Кедрова устраивает себе Лианозово в телевизоре — свое Лианозово в составе Холина-Сапгира без Сатуновского и Некрасова, — устраивает себе такое Лианозово, которое устраивает Лонжюмо. Но устраивает себе его не окончательно: Лианозово опять где-то возникает... Не лонжюмовое Лианозово, а нормальное-реальное. Конечно, не в телевизоре. На то оно и Лонжюмо со всеми его лонжюможностями. Но. Что должно быть Лонжюмо — это Лонжюмо усвоило прочно. Недоусвоив: Лонжюмо должно быть тотально. А то какой смысл?)

И у нас, могу сказать, была-таки эта необходимая избыточная защита. И поле, и фигура на поле. Была не только эта позиция протеста и независимости как таковая, но было и что-то, стоявшее в этой позиции и, в свою очередь, позицию подкреплявшее. Больше того: такое что-то, для чего, собственно, и позиция. “Пусть выступит и скажет за себя тобой сделанное” - это написано уже достаточно давно. Потому сами мы действительно не выступали, не беспокоили власти лично - власти же тем не ме-

нее беспокоили лично нас - такое бывало, поскольку бывало, что власти так или иначе беспокоило что-то, нами пишущееся - что, собственно, в виду мы и имели. Отчасти.

Я писал уже - может, это и не мы молодцы, Может быть, это нам повезло, но как бы ни было, а, насколько я знаю, нигде никто из лианозовских не уступал давлению, не каялся и от написанного не отрекался. Возможно, слабовато давили. Относительно Но слабо, нет, но давили - это уж точно. Сами власти, таким образом, держали-таки нас за диссидентов - пусть и не самых крутых. Но четко на примете. Хотя диссиденты и диссидентки профи в этом вопросе с властями совпадали и не всегда. Смотря по обстоятельствам.

И хочешь -не хочешь, а придется, видно, коснуться тут и этой самой драмы и того самого извращения-перерождения - поскольку и она-оно-они поневоле касались и *касаются* нас. Выражаясь нежно. Как и все такие, наверно, перерождения, было оно не то что стремительное, а просто изначальное. Искусство непрерывно своей практикой приглядывает за собой, ищет и находит само свои равновесия. Скажем, точку, за которой нонконформизм свалится в конформизм нонконформизма. А то ведь и свалится: не получится искусство — и все. С деятельностью же, и с самой благородной — по-разному. Противостояние власти рождало вкус к власти, а приглядывать за собой желало не очень и не всегда, грех бывал тут самый простой и извечный — нелады с заповедью не делать другим, чего себе не желаешь.

И нонконформисты-профессионалы, борцы с командованием фактами в глобальном масштабе, для разрядки нервов, что ли, не прочь бывали такими же фактами и явлениями попробовать распорядиться слегка тут, где мы. Отдохнуть как бы на досуге. На игровом как бы поле, как им казалось.

Нет, ну смех же брал от козых морд, какие иной раз с самым торжественным видом строились нам в знак недоодобрения нашей недовозвышенности и неклассичности. Да я от бабушки ушел, СОВфы ВЛАСовны, ушел внутри своего стиха — думаешь, это так просто мне было? И ушел раньше тебя — так от тебя, лодырь-бездарь ты, извини, в моем деле, как-нибудь да уйду. А то тебя пошлю. Мандельштамовский почем-нынче-фунт-слоновьяго мяса, стремглав тяжелея и дешевея, примерялся к масштабам КОНТИНЕНТА. Нашелся же гусь, грозивший с укоризной из Парижа пальчиком каким-то тут мальчикам: балуются, видите ли, стихом свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода есть свобода... И, что характерно, в этом месте в этом своем

жесте, считай, совпадая с тутошними тогдашними соколами — только пальчики тут другого калибра.

И все драмы-беда, все подмены-извращения-перерождения движения крылись уже, увы, в самой ситуации, когда для противостояния системе требуется система, когда вышибают клин клином, власть властью, конформизм конформизмом и организацию организацией же. Не мы тут первые, навряд ли мы и последние. Еще нам, можно считать, и повезло — конечно, при всех наших бедах, спасибо этому нашему диссидентству, что все-таки хватило у него ума на главное. Недавно явно не хватило его какому-то борзому, и он размахнулся шапкой: “К убийству Хрущева было все готово” — про Эдуарда Кузнецова с приятелями — готово все и больше того: стащили трое ребят винтовочку и договорились, что хотят из нее убить Хрущева...

Представить можно, как потешил автор материала, повеселил, разгрузил на минутку психику серьезных людей, нынешних заказных душегубов, если читает кто из них прессу... Действительно, куда готовей. Ильин, вон, поготовее был, не вышло и у него — и слава Богу. Ей-Богу, беда стране с тыщелетним советским-протосоветским законом: ножик взял? Стало, замыслил что. Замыслил же — замыслил, стало, на Государя. Не иначе. Государево, стало, слово и дело. И ни-ни никто ослушаться Закона не может. Просто один так слушается, а другой — по-другому... И всякое у нас тут, стало, слово и дело — Государево. Искони у нас так: все Государственное...

К “убийству Хрущева” готово-то было вряд ли, а вообще к убийству, к крови, к террору — это пожалуйста. Всегда готовы. Как всем давно прекрасно известно. Найдутся — и как там, так и там. От настоящего провокаторства, революционерства, классической бесовщины Октября и всего длительного предоктября наше диссидентство упаслось уже одним к этому Октябрю омерзением. Но от всего того же самого в рабочем порядке в техническом смысле на бытовом уровне в повседневной практике и в обиходе — вот от этого спасти-застраховать никто-ничто не могло и не может. Это можно только изживать.

А можно — наживать. От нас зависит, какие мы. И так мы и живем — с одной стороны, конечно, будь наша эта смена власти еще и с какими-то эксцессами-приключениями, нынешняя вся муть новой системности, продажности, воровства и блата усилилась бы и еще десятикратно. С другой стороны, она и так усиливается, спокойно и уверенно, как бы ходом вещей. Так уж тому и быть, вроде. Словно бы и везде так. Как будто мы вот такие и есть.

Что же — что такой живности, как Герцен некогда выразился, такого вида, как советский человек, не выводилось никогда и нигде — такое мнение известно. Да хоть бы и тот же товарищ Сталин небось знал, что говорил. Что, понятно, просто не может не сказываться и через много-много времени после. С другой же стороны, все-таки не всегда же, не везде мы были такие. И тем и запомнилось, и врезалось так всем Лианозово, что там вдруг оказались словно бы какие-то не такие. Нет уж, не святыне отнюдь. Может, чем-то и неприятные. Да наверняка. Но вот не советские. При том, что и не антисоветские тоже. То есть — по профессии...

Помню, посчастливилось мне везти в Лианозово компанию, в которой был и один из якобы готовых к убийству (правда, в очерке его не хвалили). У него был трюк — он нацепил на ширинку медаль и то и дело распахивал полы — на вокзале и в электричке, в дороге, и когда приехали. Но успеха не имел совершенно: Рабина смотреть было интересней, причем всем без исключения. Лет через 5 тип этот отличится вдруг по мандату ЦК ВЛКСМ припадком комнацбредятины с симуляциями каких-то своих прозрений и покаяний в прегрешениях, и все вылезет совсем уж наружу. А тогда я просто застал момент, кухню и пшик на кухне провокашек таких прегрешений ради приготовлений к таким покаяниям и т.п. Пшик маленький, как говорили когда-то, но вонючий. Мелочь, а приятно (вспомнить). Пройдет 20 лет, и —

И не хочу хвалиться, но чем-кем оборотится Эдичка — это я изложил тогда же издателю Эдички Бокову почти в точности. Подумаешь, действительно, бином лимона — национал-большевизм.

В Лианозово не проходили провокации, потому что в Лианозово не было конспирации. И что вы себе думаете: кругом была, а тут ее не было... Как субботы у Ицика под телегой. Конспирация-организация — субстанция ужасно липучая, заразительная и обволакивающая — именно популярная, домашне-обиходная конспирация с массой мелких жестов и телодвижений, кивков в сторону, потом в другую, подмигиваний, недомолвок, претензий и недоразумений. Признаться, какой Рабин молодец-умница — это толком стал я понимать уже чуть позднее, когда у самого чаще стали заводится дела, которым не нужна была тогда реклама, — какие-то публикации. Главное же, когда разок-другой сам побывал и в шкуре заподозренного, и в позе подозревающего — так, в основном в силу собственного плохого настроения. И последнее вспоминать особенно тошно. С тех пор крепко усвоил: лучше недозаподозрить, чем перезаподозрить. Хоть, конечно, легко рассуждать, когда и подозревать особо не в чем, и опасаться не за что...

Так или иначе, Лианозово была территория, свободная внутренне как от советской, так и от антисоветской власти, если даже признать такую власть правомерной и печально необходимой. А когда Лианозово кончилось, пыль с этой свободной территории каждый унес на подошвах. Нет, ни про какой диссидентский антисоветский террор ничего я не знаю. Никакого такого террора, слава Богу, повторяю, и не было.

Да и сами-то, собственно, диссидентские структуры и даже слово диссиденты — все это стало появляться позже, после процесса Синявско-го—Даниэля, а их арестовали как раз в последний лианозовский — 65-й год. Но само диссидентство, повадки, нравы — это, конечно, стало обозначаться раньше. О терроре и разговора нету Другое дело, что наше дело такое — чувствительное и к напору. И к напорчику, если он изнутри или совсем близко, от тех, кто рядышком или по соседству. И я хочу сказать только, что никакие манеры властительности, никакое начальство нипочем не признавалось ни в Лианозово, ни в Долгопрудном. Ни к каким борцам не чувствовалось там никакой излишней почтительности. Мы в общем-то ощущали себя такими же, и если сегодня загребли кого-то, а с нами провели куда беседу, то это и значит, что никто не забыт и кто знает, что будет завтра.

И с нами тогда, надо сказать, борцы, в общем, считались. Возможно, без особой охоты — и поздней считавшиеся с нами тогда, случалось, не упустили иногда шанса хоть чуть с кем-то из нас да посчитаться. Думаю, не очень Лианозову везет² еще и от этого. Не обожает начальство независимости — всякое, — и то начальство тогда, и потом это, оказавшись у власти, оказываются, как видим, едины в решениях. Единодушны. Ну не любят они такого: когда кто существует независимо от системы — органически, вплоть и до независимости от системы стихосложения...

Но и независимость не склонна давать спуску начальству — верней, давать спуску начальственности. Всякой. Любой. Но именно данную вот здесь и сейчас начальственность и подчиненность системе тыкать и тыкать рылом в ее бездарность-безрадостность и злобедность — это вполне может работать как мотор; отправляться от противного — законный путь рождения художественного метода. Начальство ее не обожает, а искусство без нее не живет, просто не бывает — без независимости. Если только оно не искусство социалистического реализма.

² И поразительно, как же заразительно бывает Лианозово, и особенно этим качеством неувзучести. Владислава Кулакова, единственного упорно пишущего о Лианозовской школе поэзии, в упор не желают видеть наши грантометры, и его охотно однако замечал охотничий зоркий взор Немзера из вчерашнего “Сегодня”...

Что и требовалось доказать Лианозову. Что Лианозовым и доказалось. А в общем, нет-нет да и подумается, что будь в бараке Рабина (при мне, впрочем — уже в бараке с канализацией и газом) телефон — как у многих из посетителей — не будь твердо установленного — воскресного — хоть ты тресни — дня посещений — не было бы и того Лианозова. Было бы хоть чуть-чуть, да не то. Была бы та же смутная полуконспирация, что и вокруг, а позиция была бы уже не та. Хоть чуть. А хоть чуть — кто помнит — это и был принцип всякой советской редакции. Чтобы был хоть чуть, да не ты — этого достаточно. Вот то самое чуть-чуть, которое в практике искусства, как известно, все всегда и решает. Все правильно: и практика с-реализма известное правило целиком подтвердила — с обратным знаком. Подтвердил главный практик с-реализма: совредактор. Может быть, лучший пример, на что способен тов. Чуть-чуть — как раз Глазков, издавший десятка полтора сборников и оставшийся, считайте, читателю неизвестным. Невосприимчивым по крайней мере.

Некая из знаменитых фигур оппозиционного совискусства шутила: расхождения ее с властью не политические, а стилистические. Кто-то мог бы сказать и наоборот. Хотя бы Ахматова.

ЛИАНОЗОВО как раз и было местом, где вполне отчетливое расхождение шло по обеим линиям сразу, изначально и неразрывно — получалось, собственно, одно расхождение. Оно публике и предлагалось. Искусство, последовательно стоявшее поперек властям в искусстве: 1 По “форме”; 2. По “содержанию” И поскольку по пункту первому, постольку и по второму Или наоборот. 3. А отсюда и по поведению, манере с властями держаться. А тем самым (пункты 2 и 3), стало быть, стоявшее поперек властям уже не только в искусстве. Одно вытекало из другого и вело к третьему. Получалась позиция. Хочешь-нет...

Примеры авторов с подобной позицией — скажем, Г. Айги или Краснопевцев. Но это будут именно скорей отдельные авторы, а Лианозово тем и Лианозово, что жило и действовало как творческое сообщество. Друг у дружки так или иначе учились: налицо была, как в аквариуме, та точка концентрации, когда жизнь может уже развиваться и без внешней подкормки — только светом и кислородом. Все всеми питаются и все и всё всем тут на пользу. Это уже, кажется, в-пятых, и это, с одной стороны, опять-таки давало резон и опору Лианозовской школе, а с другой — дополнительно ставило под возможный удар, добавляло риску. И окончательно делало Лианозово Лианозовым.

ГБ любила группы. Как дичь. Но Лианозово не было группой, в смысле каким-то сговором: просто несколько знакомых между собой художников пользовались рабинскими воскресными показами картин и

везли работы сами — кому удобней, ближе доехать до станции Лианозово. Дело житейское. (“Лианозовская группа состоит из моей дочки Вали, моей внучки Кати, внука Саши и его отца Оскара Рабина, которые живут в Лианозово...” — знаменитая объяснительная Е.Л.Кропивницкого МОС-Ху по поводу создания Лианозовской группы.)

С поэтами, в общем, то же самое. При мне один жил в Дубровках, другой на Петровке, третий вообще приезжал из Электростали. Близко (сравнительно) жили двое, но так или иначе никакого оформления — условий, манифестов, программ — все равно не было. Не было самого вкуса, охоты самим себя обзывать, числить какой-то группой и школой. Зато был серьезнейший интерес (за свой-то ручаюсь) — а что там делают остальные? Так Лианозовская группа, которой не было, и формировала Лианозовскую школу, которой не было, но которая что дальше, то больше ощущается ого какой школой.

И первым делом, считаю, формировал ее Рабин. Позиция Рабина и поэзия Рабина — картин Рабина. Насчет меня — просто я это знаю. Я писал уже не раз, как ошарашился, глазами увидав вот ту самую поэзию, какой жил и писать которую тогда учился. Что-то такое про себя говорил мне и Сатуновский, попав в Лианозово лет в 50, уже сложившимся автором. Думаю, и другие не без того так или иначе, хоть о Е.Л.Кропивницком, патриархе-родоначальнике, разговор, конечно, особый. (Подавно, наверно, о Потаповой — да, конечно, и Немухин-Мастеркова, и Вечтомов, и Кропивницкий Лев, и полулианозовец Свешников — любой из них заслуживает и давно ждет отдельного разговора.)

Получалось единство, выраженность, определенность позиции и поэзии, поэзии и поэтики. Почему самоопределение, выявление тогда было так важно? (Просьба не путать со свежими тогда дискуссиями в “Литературной газете” о самовыражении. Там — о беспредельном самовыражении поистине неисчерпаемого народного достоинства — всех недр внутреннего мира советского писателя. Что-то вроде обогатительной индустрии. Тут — просто о выявлении явления. Т.е. исследовании — компоненте искусства, с совписательством несовместимом.)

1. Потому что это всегда так важно.
2. Потому что тогда это было так важно, как никогда.

Искусство совсистемы, советское искусство всячески заявляло себя единственным возможным, истинным, настоящим искусством. Прочее по существу наперед, априорно объявлялось эпигонством — подражанием либо Западу, либо 10-20-м годам — т.е. не настоящим. После черной сталинской дыры, принудительного провала памяти лет в 25-30 искусство

помаленьку только могло приходиться в себя, собирать косточки. А с этим-то и вели идейную борьбу

Ты вне системы = ты никто. Так разом и прорвать это н и к т о ж е с т в о. Заявиться определено: не советское, независимое от советского искусства искусство есть. Оно возможно. Бывает. Оно — вот оно. Определиться и заявиться — естественно извечно насущная задача каждого автора — для нас насущна была вдвое — для каждого из нас за себя как автора и за свое наше искусство. Которое, думаю, было все-таки больше, чем групповое искусство — потому-то, наверно, как групповое и не понималось, не осознавало, просто не ощущало себя. Нам, каждому — мне по крайней мере — было необходимо то, что делаем мы все. Нам было бы достаточно этого — как в том самом аквариуме. Мне — хватило бы: сужу по памяtnому резкому контрасту ощущения голода и насыщения до Лианозова и потом. Но это не значит, что никому не было интересно ничто другое — нет, конечно. Евтушенко, Вознесенский, скажем — небезынтересны, хоть сильно относительно: временами-местами. И никак не ихней “позицией” В бо-ольших кавычках. Окуджава, Глазков, Мартынов интересны безотносительно. Может быть, не всем. Но мне — безусловно. Без колебаний, в отличие хоть от Слуцкого. Рождественский, Ахмадулина так же безотносительно-безусловно безынтересны — как тогда, так и потом и по настоящее время.

Есть такое ходовое выражение: определенность черт. Обычно пишут как-нибудь так: черты обретали определенность. Это не про Лианозова — там именно что с этой определенности черт и начинали³ Во всяком случае, самые лианозовские из лианозовцев — Рабин, Холин с Сапгиром.

³ Вечный сюжет оттепельных-послеоттепельных агиток лет на 30: вот ты, мальчик, ерепенишься, возникаешь, свобод тебе каких-то еще. Ну И для чего тебе этих, говоришь ты, свобод? Для искусства?.. Ну покажи-покажи... Вот это?.. Это и есть твое свободное искусство?.. Три ха-ха — ну, мы же говорили...

Советский режим, тоталитарная система в литературе-искусстве вопрос для не своих ставили ребром, как бы приглашая тех же лианозовцев начать прямо с результата — либо уж и не возникать... Прямо с другого конца — с факта. Факта речи, беря его там, где видишь. Это, думаю, и ощутила Л.Уйвари, сопоставившая нас с немецкоязычными конкретистами. Факт может быть и факт твоего производства. Главное — это должен быть факт твой — не то он и не факт, не результат... Цитата — но собственного изделия. Уже цитата... Представить как бы, как бы текст мог быть обкатан традицией. Употреблением. Представить как бы текст уже где-то там — в букварях. А что: там ему и быть, если он правда на самом деле.

И, в общем, думаю, у лианозовцев это получилось/вышло — прямо результат. Возможно, не бесплатно вышло. Наверно. Не без каких-то оговорок. Может, и потерь — на каком-то этапе. Скорей именно что для начала: в силу такой вот постановки вопроса. Зато превзошел результат ожидания и опасения — то-то этот

Дамба, клумба, облезлая липа.
Здание барачного типа.
Коридор. 18 квартир.
На стене лозунг:
“Миру — мир” ..

(Холин, 58)

результат — искусство Лианозова — так долго, дружно и успешно замалчивается и постсоветской системой, нынешними своими, большинство которых, впрочем, попросту те же, что раньше. Зато уж и возникли так возникли — тем самым как никто тогда, думаю, доказав-показав самую возможность жизни в изображении и в стихе, жизни, изначально и по природе независимой от тоталитарной системы со всей ее идеологией — вышло независимо от системы и вопреки ей. Последовательно. Но дело не в том, что я думаю. Или кто-то. Дело в том, что делают, что творят. Сапгир — это хорошо. Но Сапгир — не всё Лианозово и не первый в Лианозово. Первый, бесспорно, Рабин. **Выставленный в Москве персонально единственный раз в 91-м в Литмузее на Петровке и замолчанный тогда целиком.** Наглухо. Заодно с еще двумя выставками, 40 авторами и всей программой на 2 месяца — программой “ЛИАНОЗОВО-МОСКВА”... И в чем дело тут — не хочется вам разобраться? Попытаться? В чем-ком?.. Не интересно? Нет? Нет — и не говорите тогда “Лианозово”...

(На этом месте, на месте прессы, оказывается, вполне уже слипся новый блат, новая готовая власть. Проблатненная насквозь, со всеми замашками прежней - еще бы: школа, кадры все те же <...> “КУРАНТЫ” - Золотова. Татьяна Куликова и Дмитрий Баринов. “КУЛЬТУРА” - Назаревская. “ДЕКОРАТИВНОЕ ИСК-ВО” - Олег Кулик, Людмила Бредихина <...> “ЛИТГАЗЕТА”, “НЕЗАВИСИМАЯ” - Кузьминский, Нечипоренко. “МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ” - Елена Веселая.* “МЕГАПОЛИС ЭКСПРЕСС” - Юрий Бялый. “СТОЛИЦА” - Михаил Смоляницкий. МК - Александр Зеленый. “КОММЕРСАНТЬ” - Левь Сигаль. <...> (Кто ходили на лианозовскую программу.)

И не рассказывайте мне про свободную прессу - я сам вам про нее расскажу. Что и был тот же “Синтаксис”, как не первая свободная пресса: не освобожденная, а освободившаяся? Свобода искусства обрастала свободой слова и оставалась в сердцевине - с сердцевины же и завелся жучок. <...> По-вашему, пустяки на волне великой политики? А по-моему, самое, увы, существо политики, да и кровное мое дело. Ну как так в “Известиях”, к примеру, “поэзией, которой не было” - это нашим-то братом - заведовал Кедров, который был деятелем литинститута ССП? С понятной функцией - изображать поэзию, которой именно что не было. Чтоб подольше бы понебыло той, которая была. Миленький альянс кадров - Кедров и Меликьянц. Красиво устроено: “Демократия” - с гласностью в серединке, гласность - с Кедровым в серединке, в основе. Красиво. И прочно. Думаете?

<...>“В Одессе пристав не велел трогать ни начальство, ни Пушкина...” Пушкину было сто лет, начальству - триста. В Московских же Новостях редактор Веселая не велела трогать ни Пригова, ни Ерофеева. Вполне без смеха. И сколько же думает так протянуть это наше начальство - с такими-то пушкинными..

Корытичи выпускают шпану - шпана напускает пену - корытичи все при том же корыте.<...> КОРРУПЦИЯ ПО БАРТЕРУ (“ПАКЕТ”)

...Лишь на стенке черный рупор
В нем гремит народный хор...
Дотянулся дернул шнур...

(Сапгир, 59)

Сапгировские диссонансные и разноударные рифмы, холинские слова-гири-утоги. Резче, еще резче! Увесистей. Можно даже так: подчеркнутость черт, да еще и неоднократная. У Рабина — в простом, буквальном смысле. Почти ташистское включение — но Хартунг ли, Сулаж, сажа ли, битум, а первый широченный черный, откровенно массивированный контур, какого нет ни у Щукина, ни у Шагала, разом означил, выявил первый рабинский дом, город-пригород, весь рабинский мир и самого Рабина как художника.

Сразу надо сказать — рабинский черный цвет, мазанный иногда, кажется, кистью в кулаке, на самом деле живой, нажит-прожит и куда как живописен, несет образ и состояние. По-моему, этот черный-копченый контур как раз и явился средостением, живой тканью, заживлявшей разрыв между графичностью и живописностью как разрыв между насильственной всей нашей отсталостью от опыта мировой живописи и острейшей из-за этого тогда необходимостью, просто жаждой современного искусства. (Похоже, думаю, вышло и с немухинской предметной абстракцией - об этом “Абстракционизм без мягкого знака” (“Пакет”).)

И унылые каламбуры (первым отличился Генисаретский еще в 86-м насчет “лианозовской чернухи”), которые контур этот не может не провоцировать, и всегда-то звучали казенной бездарью, а уж в наши дни, да с нашим-то опытом всяческой приготы, группы ЕПС, некрореализма, экс-крементальной группы Бренера-Кулика и т.д. и т.п. эти все “чернухи”, “очернительства” смешно вспоминать. В наши дни. И однако. И ну и где в эти наши дни Рабин?.. А тогда — а чьи это дни — эти наши дни? Александра Шилова? Дни Ильи Глазунова? Так же, как и те дни. Так?

Вообще — если ночь с огнями — чернуха, тогда и Рабин — чернуха; чернота черт-контуров с самого начала была для особого по-рабински решительного конструирования плоскости сразу читаемыми, гнутыми и шевеленными линиями — разом и плоскостного, и активно перспективного, — ради четкого и чуткого жеста оживающих построек, мимики кусков неба, земли и своего горизонта. Для острой отчеркнутости, пика выявленности образа, состояния: удара тишины и непогожего электричества. Рабин — лирик как никто другой. Как Окуджава. Чем, как и Окуджава, категорически оспаривает так называемые традиции советского искусства и литературы в самой-самой середине: они ведь без усталы долбили, что их

искусство отличается чем — душевностью, сердечностью-человечностью...

Но. Пусть лирика и сердцевина искусства, но к лирике искусство сводится вряд ли. Да по-разному лирика может и пониматься. Стихи Я.А.Сатуновского сначала, пожалуй, и не показались мне таким бронейно-бронированным фактом, как холинские или сапгировские, — хоть заинтересовали не меньше. Уж очень были они речевые. Наконец-то больше речевые — и принципиально по-иному речевые, — чем стихи Маяковского. И как речевые стихи даже принципиальнее: речевее.

Выдумал тоже:

Лелька Шувалова, Лелька Шувалова...

Кто же из нас не бормочет подобного в себе где-то, и не слыша себя. Но надо же было догадаться автору, что это стихи. Да ведь какие...

Максимальная, как бы лианозовская заостренность-определенность-выраженность черт — фактичность — в стихе Сатуновского переходит в иную ипостась — в максимум бесспорности самого качества этой речи, когда речь определенно становится поэзией по качеству, внешне оставаясь совершенно неотличимой от речевого фона по формальным признакам — либо прикидывая те или иные атрибуты, знаки-признаки стихотворной техники как бы для смеху, отстраненно и номинально — так что сами эти атрибуты могут вызывать что-то даже вроде досады... В этом, собственно, и метод стиха, секрет техники: стихи работают как стихи, цепляются за память вообще без видимых признаков стиха — речь и речь. Наша, общая. Тут же становящаяся моей речью. А значит, являющаяся, в сущности, лирикой. Так я понимаю.

В принципе мне кажется глубоко сродни между собой и одинаково как читателя удивляет хотя бы

Умному дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег
И не забудь про меня.

и

Люблю стихи Бориса Слуцкого
Толковые суждения
Прямого харьковского хлопца

Как говорит Овсей
Веские доказательства недоказуемого

Но с Окуджавой все же видней: эмоция рождает интонацию, та — вибрацию и мелодию. У Сатуновского же налицо и самая очевидная, и самая непонятная определенность: вот стихи, а вот — нет. Не стихи. А там и там — речь. И только. Конец школярству-системности и много чему Блату Идеологеству. Слово практике и интуиции, опыту и добросовестности. Поэзии.

Поэзия как она есть. Которая, наконец, сама себе стих (ведь признаки стихосложения и у Окуджавы — даже не для формы, а для проформы: просто это тоже речь такая, какой ей надо быть — не речь по стиху, а стих и мелодия по речи). Но у Сатуновского-то вообще нет стиха, никакого, может не быть никаких его видимых рудиментов, вроде, скажем, моей *паронимии* (так точно-тонко разобранный Дж.Янечекон, но которая, к слову, сама-то по себе не сказать предмет гордости автора; скорей предмет зависти — это как стих Сатуновского обходится и без нее. Или позже иногда стих, скажем, Ахметьева) — просто автор/читатель один на один лицом к лицу с фактом: вот этот участок речи — стих. На вид такой же неуклюжий, как любой другой, но отнюдь не любой другой неуклюжий — стих. А этот да, стих, речевая стихия, природа, что проверяется хотя бы тем, что он запоминается — остается в памяти помимо воли.

Проверяется — еще понятно. А вот как *находится*? А это спросите у автора. Спросите, он ответит. Делом: еще таким же стихом. А ответь он иначе, опиши досконально технику — нам ответь так или самому себе — и - всё. Это уже не стих, а это уже — индустриальное производство. Не в ямбе дело, а в этом. Стих — это что? Достижения стихосложения или ожившее слово? Этот-то сверхобостренный слух автора на конкретный речевой факт, несомненно выделяющийся из общего речевого фона, шума при видимом отсутствии внешних признаков *только качеством речи*, природностью-стихийностью, умение кристаллизовать из речевой плазмы такой *стих без стиха* и кажется пиком, высшей точкой Лианозовской школы — школы фактичности. Фактичного искусства. Попробуем сказать так. Искусства, которое **на самом деле** - в противоположность советскому и отталкиванием от него. То, что значит слог **ри** у обернутов - *реальное искусство*. Исходя из реальности, из факта, словить, поймать себя на факте речи как реальности внутренней: на поэзии = на случае стиха. Чего еще надо?

Вот же она: тайна стиха, стихосложением не маскируемая = не профанируемая. Уж если на то пошло... Воочию реальная тайна.

“Шоковая терапия” в экономике не была на самом деле каким-то выбором — “Выбором России”... Альтернатива — танки — просто не про-

шла. ШОК был ШОК хошь-не хошь. Потом опять показалось. альтернатива. Оказалось, Чечня...

Не совсем так с культурой-искусством. И отчасти шок тут четко искусственный. С информацией вышло, ничего не скажешь, с теми же “Куклами”; а вот в культуре в целом — тут шок-секс-шоп-терапия была ведь учинена и от очень еще большого ума и вгиковского образования, от балдений-ошеломлений когдатошных там закрытых просмотров вала среднеголливудской продукции и от задора, оскал-нахрапа — ну, он дорвется, он та-кое всем покажет по ящику... И показал, дорвался. Ящик аж надорвался. Шок, пережитый во ВГИКе и так и неизжитый — шокнутость, по всему судя, не под силу данному организму.

А уж в искусстве-то ЕПС-Приг-шок терапия была открытой, наглой, изначально сознательной фальсификацией. Коррупцией и провокацией. Блатом и воровством чужого места. Только так.

Тут шок вроде этого пережит был 30 лет назад, 40 лет. Тут налицо было искусство, этой-то терапией и ставшее на ноги. В том и было все дело, в этом и была самая ценность, самое достояние. И была задача — урвать, уворовать, оттереть. Это было на виду, в глаза кидалось: не могло не кидаться, уже поскольку искусство это само кидалось в свое время в глаза и мозолило их режиму вряд ли слабей Метрополя — но пораньше Метрополя. Подавно — иронистов, мета-аферистов... “Альманаха”...

Как сказать то именно, что имеешь сказать как раз настолько, насколько можешь. Попасть точно в интонацию, как Окуджава — и заживет... Отказ от переживания — а вот это да, наивность. “Наивность”... И уж конечно, раз так — сразу и изничтожение переживания. Переживание как переживание испражнения исключительно. Все то вздор, чего ЕПС не может...

“Наивное шестидесятничество” — наивная, действительно, пошлятина, наивные потуги шестидесятничество это хоть как, да отпихнуть, пнуть, плюнуть. Наивный Окуджава, наивное все кино, тот же Рабин, Булатов, Олег Васильев, Инфантэ — и умудренные некрореалисты, ЕПС сушенный, искушенный, или хоть и Кибиров... Шутка... Или что: Евтушенко-то — “наивное” с его петухами-киксами. Б- - - скими ГЭСами? Ну, думать, что ГЭСы-киксы-коммунисты там от наивности — наивность как раз и будет, и не самая маленькая. Да это у любой эпохи, в любом искусстве всегда свои евтушенки, фальшивинки и удешевленки, а то и провокашки и шоки. Представлять же весь “авангард” — “концептуализм” — “постмодерн” — вообще “другое”, неофициальное искусство сплошной группой ЕПС — подставлять под КПСС. А какие были натуги науки,

раскрутки не на шутку, чтобы накрепко усвоила публика: если советское и не значит отличное, то несоветское значит отвратное — это уж точно...

Искусство с собственным конструктивным опытом авангарда как опытом диссидентства в искусстве, — сознательное, соображающее искусство, наивное меньше, чем, может быть, любое другое — поскольку едва ли какое другое проходило такую школу жестких условий. Стабильно жестких и длительно — с одной стороны; с другой — жестких все-таки не убийственно буквально. В отличие от 20-30-40-х... “Нас прижимали, но не уничтожали. Спасибо за внимание” (“Пакет”). Авангард как аналитичный подход, как раз и ведущий к синтезу живого: просто этот путь надо пройти, не чересчур отвлекаясь. Время надо. И оно у нас было. Нам его дала партия — сидеть тихо. Ну, сидели мы не очень-то тихо, никак не тише ребят, однако время у нас да, оказалось так или иначе. Так вышло.

А вот у ребят борзых — ну не было его, времени, не было. Спешить им надо было. Спешить влезть на наше место.

МОЯ ЛИАНОЗОВСКАЯ ХРОНИКА

59 г. Русанов и Гинзбург берут мои стихи в самиздатский "Синтаксис" № 1 (с Холиным и Сапгиром). Еду в Лианозово, гляжу Рабина, и с тех пор в Лианозове (где Рабин) и в Долгопрудном (где О.А.Потапова и Е.Л.Кропивницкий) я лет 6 подряд большинство воскресений. И вожу, кого могу

61. В Лианозово приезжает Сатуновский. Знакомимся с ним.

62. Лунгины (и Пинский, если не ошибаюсь) показывают мои стихи чешскому поэту Антонину Броусеку. Знакомлюсь с Броусеком; рекомендую ему стихи Холина, Сапгира, Сатуновского.

64. Броусек печатает мои стихи (переводы) в № 1 "Tvaz" (+)* ("Лицо") с предисловием, где аккуратно всех нас перечисляет.

65. Аналогичная публикация в пражском журнале "МУ" ("МЫ") (+).

66. Везу в Лианозово редактора пражского еженедельника "Студент" П.Веверку Итог - солидная по тому времени статья о Лианозово с репродукциями Рабина, Кропивницкой, Вечтомова, Немухина и переводами из Холина, Сатуновского, Сапгира и меня.

68. В США выходит антология русской поэзии Г.Андреевой, где поэты Лианозова - только Холин и Сапгир.

71. Читаю стихи в мастерской Стесина и Лама и знакомлюсь с Л.Уйвари. Как и Броусеку, рекомендую ей других лианозовцев.

73. В Вене, в журнале "Pestsau" (+) в переводах Л.Уйвари лианозовцы Холин, Сапгир, Некрасов плюс Лен, Бахчанян, Лимонов.

75. Цюрихский Сборник "Свобода есть свобода" - "Freiheit ist Freiheit" (+) публикация "Pestsau" и наши стихи по-русски.

77. Те же авторы: мы плюс Е.Л.Кропивницкий и Я.А.Сатуновский - в парижском "Аполлоне 77" (+) как якобы "Группа "Конкрет"

* Значком (+) отмечены публикации со стихами про лианозовцев.

78-84. В Иерусалиме М.Гробман публикует в своем "Левиафане" Е.Кропивницкого-Холина-Сапгира-Сатуновского-Некрасова именно как лианозовцев. Н.Боков в Париже в "Ковчеге" - Сатуновского и меня. Сапгир читает на семинаре Шейнкера (инициатива моя). В Питере в "37" больше 10 п.л. моих стихов.(+) В 90 Булатов и Васильев помогут издать книжку "СТИХИ ИЗ ЖУРНАЛА" (+), и "37" там в основе.

85. Шелковский (протянув 5 лет) печатает в литературном "А-Я" мою подборку стихов и статью "Объяснительная записка" Там есть и про лианозовских, с цитатами.

86. (или годом-двумя позже). В клубе "Поэзия" мы с М.Айзенбергом прикрепили на табакх к стенкам работ 20-30 Е.Л.Кропивницкого. Я рассказываю о Лианозове и читаю стихи Е.Л.Кропивницкого, Сатуновского, Соковнина. Наверняка и Холина с Сапгиром - по ходу рассказа. Вероятно, и свои - сейчас не помню (потом мой был отдельный вечер). Принимают с огоньком.

Но в интервью Н.Искренко "ЛГ" о делах клуба "Поэзия" нет ни упоминания об этом вечере, ни моей фамилии. В клубе же "Поэзия" - никаких об интервью разговоров. Я подождал, поглядел, послушал, плюнул - и больше ни ногой в клуб "Поэзия"

87. Мой вечер в Доме Медиков. Проходит вроде неплохо. Безусловно, без лианозовских пояснений (как и чистопрудных - про Булатова и О.Васильева) пройти не может, уже поскольку я не могу не прочесть лианозовские (как и чистопрудные) стихи.

Ноль реакции в печати.(В дальнейшем пытаться будет пробивать блокаду Лианозова один Владислав Кулаков - в газете "АВТО").

В "Огоньке" Коротича изречено директивное. Поручено Минкину "1956-й вознес идеалистов. 86-й обнажил циников. Из циников не выходят поэты - разве что пародисты"

88. Лианозовский вечер в перовском Клубе Нового Искусства. Проводят Анна Альчук и Глеб Цвель. Помогают отвозить работы туда-сюда Сергей и Дина Путиловы. Лежат на столах листы - Немухин, Кропивницкие, Мастеркова, Рабин. Масло-темпера стоит по стенкам: те же плюс О.А.Потапова. Всего мной собранных работ сотни две, не меньше. Выступают Сапгир со стихами (Холин не пришел), Ломазов (он тогда был секретарь Сапгира) с докладом. Потом читаю я. Народу полно. Слушают неплохо. Помню сейчас среди публики Лунгиных (ушли после Ломазова: "Поздно уже." Я согласился.), Сидур Юлию Львовну, Бакштейна с Нахо-

вой - но вообще знакомых было много. Незнакомых - тем более. Нигде в прессе ни звука.

На юбилее Сапгира в ВТО Рейн объявляет главными поэтами Бродского, Чухонцева, Кушнера и Сапгира - сам подразумеваясь. " - Остальные да-а-алеко отстали..." Сапгир раскланивается и сияет. Из зала ему записка (не моя): кто были ваши учителя? Сапгир называет Альвинга, так и не произнеся ни лишних имен, ни наименований. Никакого там Лианозово. С чем Сапгира я и поздравил в антракте, найдя его в компании ближайших друзей. (Ровно через 10 лет в Третьяковке на Крымском на открытии Лианозовской выставки А.Д.Глезера я поздравлю Сапгира с тем, что тут он Е.Л.Кропивницкого и Лианозово все-таки вспомнил. Сапгир блестяще парирует: "Так, как ты, Сева, выступать надо в Сумасшедшем Доме"... В Сумасшедшем Доме бывать не приходилось, а вот в Лианозово, расскажи тогда кто Сапгиру про Сапгира в ВТО 88, обиделся бы Сапгир. И сильно.)

89. (Год помню неточно). Вечер в МГУ. Сапгир и я рассказываем про Лианозово и Долгопрудный и читаем стихи отчасти свои, но в основном Е.Л.Кропивницкого, Сатуновского, вероятно, и Холина (он сам придти не пожелал), и я - Соковнина. Заводим записи. Вечер далеко не того ранга, что у метафористов-иронистов, вообще клуба "Поэзия" - не та информация, не то помещение - репетиционная театра МГУ на Моховой. Помещение не сказать большое, но не пустое. Встает дама и объявляет: помещение требуется по назначению - для репетиции "Бедного Сосо Джугашвили" Коркия. Вечер прекращается без каких-либо последствий в прессе, хотя вообще этот театр МГУ у прессы этой на постоянном контроле.

Мой вечер в Доме Учителя. Без Лианозово обойтись не мог все по тем же причинам. И все те же результаты в печати. То же и с вечером в Политехническом - совместным с А.Величанским и И.Ахметьевым.

Странная статья про Лианозово под подписью "Н.Марин" в "ИСКУССТВЕ". Станным образом перепутана вся история и сведения о Лианозово. Пишу в "Искусство" письмо. Письмо туда попадает не сразу, но так или иначе остается без ответа.

90. Случайно встречаюсь с редактором "Искусства" Бодэ нос к носу. Спрашиваю про письмо. Добиться толку не удается.

Олег Кулик устраивает "Логика парадокса" в Клубе Молодежи на Фрунзенском - здоровенную выставку, куда берет и кое-что у меня - в том числе отличного, хоть и небольшого Рабина - и устраивает, спасибо ему, на этой выставке мой вечер. Проходит вечер вроде неплохо. На нем, между прочим, выступает Эрик Булатов - четко, как всегда. И снова никаких нигде таких там фамилий - ни Рабина, ни Булатова, ни моей.

Выходит моя первая книжка "Стихи из журнала" (+) (в смысле из питерского самиздатского "37" 78 года) со стихами Рабину, Холину и Л.Е.Кропивницкому

В Новосибирской городской галерее профессор Ю.Н.Чумаков и директор галереи О.В.Назанский устраивают выставку мной собранных работ художников и программу "ЛИАНОЗОВО" с беседами, чтением и прослушиванием записей - лианозовских и не только. А и Соковнина, Рубинштейна, Сухотина, Айзенберга, А.Левина, Ахметьева, Строчкова, Кибирова, Пригова. И около 150 листов лианозовцев и Булатова, Кабакова, Васильева, - довольно многих. Почти то же собрание в 91 поедет в Бохум и Бремен. "ЛИАНОЗОВО" тут - уже как общая марка другого искусства. Выходит новосибирский альманах "Мангазета" (+) с моим рассказом про Лианозово и статьей "Как было дело с концептуализмом"

91 В Литмузее на Петровке "ЛИАНОЗОВО-МОСКВА": программа чтений Холина, Сапгира, Некрасова, записи Е.Л.Кропивницкого и Сатуновского, рассказы о Лианозово и три выставки подряд (расширенная новосибирская экспозиция) под общим названием. В т.ч. первая персональная выставка Рабина (и в Москве - до сих пор единственная). В сборник "Другое искусство" Алпатова берет у меня все лианозовское - сперва вообще все, написанное о художниках, - и сюрпризом выбрасывает в последний момент самое важное: "Обязанность знать" и письмо в "ИСКУССТВО"...

В "ОГОНЬКЕ" лианозовское черт те что и откуда. На вопрос: кто это меня без меня у вас напечатал в у к о р о т и ч е н н о м виде, ответа нет

Странноватое выступление Нечипоренко в "ЛИТЕРАТУРНЫХ НОВОСТЯХ" Пишу письмо в эти "Новости" С письмом странности.

О постмодернизме симпозиум в ЛитИнституте. О симпозиуме статья Малухина в "ИЗВЕСТИЯХ"; шлю в "Известия" письмо в защиту небрежно обхамленного в ней Холина. Молчок. Через месяц звоню в "Известия" Некто Люба спрашивает меня: что с письмом делать? Письмо потом напечатает "ЛитОбоз" Вся история - в "ПАКЕТЕ"

Зачитываю письмо в "ЛитНовости" на крайне странной конференции в РГГУ и вечере "Синтаксиса" в "Иностранке" (библиотеке). В парижской "РУССКОЙ МЫСЛИ" на вечер странный отклик. Письмо в "Литновости" уже с откликом и на отклик даю для "СТРЕЛЬЦА" молодому человеку, представившемуся человеком Глезера. Спустя какое-то время якобы от имени Глезера письмо человек возвращает. Глезер сейчас говорит, что ничего не знал.

А.Сосна выпускает сборник моих тамиздатских стихов "СПРАВКА" (+) (4п.л.) Есть там и про лианозовских.

92. Литмузей. Программа "Лианозово - Москва - далее - "

Немецкое "LIANOSOWO" Лианозовская программа в Германии (выставка в Бохуме практически повторяет Новосибирскую). Вторая выставка - в Бремене. Сб-к "LIANOSOWO"(+) со стихами пятерых - Кропивницкий, Сатуновский, Холин, Сапгир, Некрасов, переведенными на немецкий G.Hirt & S.Wonders (псевдонимы), и аудиокассетой. Трое едем читать в 9 городах. В прессе - до 20 откликов. Но только в не русской. (До того был "KULTURPALAST" - подобное же издание 84 и программа 89 г.. Монастырский, Рубинштейн, Шварц, Кривулин, Пригов и Некрасов. Последний за Лианозово агитировал словом, делом и примером; думаю, могло и повлиять - хотя бы отчасти...) Выходит № 3-4 "ЛитОбоза", в нем (благодаря Г.В.Зыковой) - мое прошлогоднее письмо в "Известия" насчет "Известий" и Холина.

Симпозиум в Вене. Из лианозовских Холин да я. Выступая, удивляюсь отсутствию Сапгира и нахрапу Ерофеева (подробней в "Пакете"). Конфликт с ерофейским и с европейским сообществом. Выходит мой сборник напечатанного в "тамиздате" "СПРАВКА" (+) с "Объяснительной запиской" из "А-Я" и автобиографией. Там и там, естественно, не обходится без Лианозово и лианозовцев. 3 вечера в Некрасовской библиотеке. Темы: поэзия конкретизма, LIANOSOWO, Вена. Кругом тишина.

93. На Сивцевом вечер памяти Сатуновского с докладом Е.Н.Пенской; читаю про тень и место. В СПбурге выставка Рабина и В.Кропивницкой. Пенскую, инициатора-организатора лианозовских выставок-программ в Литмузее, вынуждают из музея уйти. Л.Е.Кропивницкий издает "МАНСАРДУ"; с моими стихами, к сожалению, там некоторая путаница.

94 Нашелся порядочный человек - Т.Г.Михайловская - и напечатала сотню лианозовских страниц в № 5 НЛО(+). В т.ч. мои стихи тех времен и самые важные статьи: "Обязанность знать", "Андерграунд" и письмо в "Иск-во"- все по Лианозову, выкинутое И.Алпатовой из "ДРУГОГО ИСКУССТВА", и интервью с Е.Н.Пенской. Презентация номера в музее Андрея Белого. Между прочими тут же А. + А. Зорин + Немзер - тогда культурологист "Сегодня" = сегодня Член Академии Российской Словесности. Тишина всюду.

95. Холин, Сапгир и я едем в Люксембург в галерею Симончини с выступлениями. Инициатива Сапгира. Здесь - ни звука.

По ТВ про Лианозово живо рассказывают Сапгир и Холин. Без моей фамилии. Под водительством Вознесенского и Кедрова.

У Холина берет интервью Татьяна Рассказова в газете "Сегодня" В интервью - множество имен, только не мое.

96. Выходит "ПАКЕТ" С кучей в том числе лианозовского.

97 Лианозовская программа А.Д.Глезера стартует вечером в Политехническом. Директриса открывает вечер: "Уложимся в одно отделение..." Проглотили.

98. Лианозовский номер "СТРЕЛЬЦА" со злополучным письмом в "ЛитНовости" Лианозовская программа А.Д.Глезера в ЦДЛ и его выставка на Крымском Валу Моя лианозовская статья в "ПУШКИНЕ" Удивительная про меня фраза в каталоге выставки: *был близок к лианозовской группе.*

Что бы это значило, и чья бы такая фраза? Любопытно.

Сабина Хенсген, инициатор LIANOSOWO" и "KULTURPALAST" приглашает опять в Германию с Холиным и Сапгиром на юбилей Лианозова. С сожалением приходится отказаться. Причины см. в книжке "ДОЙЧЕ БУХ" (98, Москва, "XX век и мир") и в том же "ПАКЕТЕ" Вкратце: при всем почтении к Германии, немецким культуре-искусству, Немецкому Чуду и всем немецким чудесам, у нас здесь уже сложилась себе немецкая власть в искусстве в аккурат на месте советской бывшей бандитской, уверенно раскармливающая постсоветскую воровскую - и именно как воровскую. Практически уже непререкаемая немецкая власть.

Не раз пойманные на фальсификации, воровстве места - моего и не только - Борис Гройс в Германии, компашка Сергея Ромашко в Москве в "Гете-Центре" остаются при кормушках прочно, ибо хорошо говорят по-немецки. Понимают, похоже, еще лучше. Кормушки - бургомистерские: кого-куда из нашего брата. А кого - никуда. И лезть-идти опять под это начало - слуга покорный. Я там уже был. Покорный-покорный, но не до такой же степени.

Бывал там, составил хронику вроде этой и предложил к печати. На это там не пошли, и я не поехал на то ЛИАНОЗОВО, которое там устроили - это вышло бы типичное не то. Не то Лианозово.

(Какая разница: бандитизм / воровство? В том-то и дело. Воровство - так хоть караул крикнуть можно. Что, собственно, и пытаюсь я делать - и в том числе в этой книжке.)

ВРОДЕ РЕЗЮМЕ

"Люблю театр Александрынский..."

какой
не люблю
александроминкинский

убожество и нахальство
невежество и знакомство

саши минкина
по типу миши эпштейна

шпана-то

что шпана то шпана

то что надо
против нашего брата

корытич выпускают шпану

шпана напускает пену

корытич
все при том же корыте

а мы при чем

а при чем мы

Вот
Кедров

Откеда вдруг

Да нет
Откеда вдруг
Он будет
Не Кедров

тык тук так
 а

тут открыто

мы
ведь

нескрываемые были

я говорю
я
всякому
паразиту не крантик

меня тут ему теперь
открывать

дурака-то валять
хватит

открывать

открывайте Парщикова

Да даже вон

Иван Жданов
Изображал
а в а н г а р д

Да и продолжает
Изображать

Для множества
И множества граждан

Скульптор лепит козла
А сам говорит друзьям
Я вам покажу блядам
Как надо лепить козла
/из Пригова/

Увы
Или не увы

а мы
были

Это раз

и два
это что мы
были прАвы

(Попов же
Женя Попов
Это уже попозже
Попозже

А там уже и Пригов
Забыл
Пригов

Пригов был занят
Пригов
лепил козла)

мало ли
ну барахло
ну пархоменко
так мало ли такого
блатва
деготь
пригота
прыть
нежить
так так уже так сразу и смерть

автора

ах ребята ребята

деррида для приготы
пригота для дерриды

пригота пур ле деррида
деррида пур ля пригота

а ворья
ворья-то тут

курля и мурля

когда вершина
щербина

без недоразумений

зорин немзер

разная бездарь

шпана

эпштейн бакштейн

что было
то было

элегантный как рояль
гусь хрустальный
александр архангельский

тот или иной
гороховый шут

а комедия
этой новой русской этой
словес-ност-ности

я скажу

усаживается тут
саша с андюшами
я же и говорю
что

сколько их
ребят таких соберется
как договорятся ребята
и до чего

ничего
этого не будет

не будет нет

а будет чего
ч е г о б у д е т - т о

будет
то
что я напишу

прошу
прощения

будет

что я напишу
и другой напишет
(а что касается
научнейших наших
андрюш с сашами
скажу
так мы и сами с ушами

уж как-никак)

я-то кто?

как это
я кто?

странный случай
вы
хотите сказать
вы
хотите так думать

ну а что если
не странный
случай я
а я-то и есть
тот самый случай
дорогой мой
временный современный
читатель

главный-то
обворованный тут
кто
честь имею
именно честь
в любом случае
отчетливое отличие
отсутствием

мое счастье
я и есть тот
которого особенно нет
нету больше
чем кого бы то ни было

нет
свобода да есть свобода
но никак она не есть
свобода
воровства
и в том числе
воровства чужого места
в частности

и вот и этого вот места
моего

господа шпана
пригота
же ведь
не то что там хуже

предположим

или же она скажем лучше
воровства
а просто-напросто
опять она-то и есть
самое если хотите
естественное
в смысле
най- ну- несомненное
беспросветное
беспрепятственнейшее
самое настоящее
воровство чужого места

что
что-нибудь тут разве неясно

воровство чужого места есть воровство
в стране господ
стране воров
товарищей господ воров
и соросовых долларов
я обворован
так обворован
пожалуй
так
как никто обворован

господа
пригота
господа
куда
столько радости
господа
господа гусинские

и господствующие
господские гуси

демонстрация
приготы

как провокация
диктатуры

вот она нам
и демократия
была

так видимо

видимо да

так

меня нет
мне шестьдесят пять лет
я что
шутки шутить
в этом моем деле
любого
я сказал
отучу
быть сволочью
и за сказанное вполне отвечаю

мишка и гришка
делали дуду

Немзер и Зорин
делали
дуду нет
этого они не умеют
видите
и потому Зорин и Немзер
не дуду

не ду ду

но делали тут
литературу
какую-то
какую было
угодно
выгодно бы
Зорину
Немзеру

профер и букер
топфер и пфэффер
делали тут
они думали

что будто делали тут
литературу
ну может быть
они хотели так думать

а делать
они делали что
что-то
что хотели они

и что подсказывали
немзер и зорин

и хрень и хрень их
им теперь не хрень перехрень

а каакадемия их
владения их
премиями имени
не какого-нибудь
говна пирога
и не кого-нибудь
а аполлона григорьева они

вона кого

творчество

а вот
ворчество

вот вот

и вот
и вот
типа
хоть и дамы воровки
из телевизорной
тусовки-тусовки
совки

и катастрофки
катастрофки
катастрофки

очередные

причины очевидные
очень очевидные

следствие
все все на виду

вот же оно
вот
мое место

мое
так ведь не только мое
а вот оно и ваше ворье

просто
очень просто

вот оно оно
воровство

/это ведь
и никакие не новости
ни для кого

как раз на то у нас
и страна дураков/

а вот оно и оно
как раз то самое
и вот она она

и
КАТАСТРОФА

/а литературу-искусство
тут или не тут
здесь
не здесь
делает
и не немзер и зорин
и имя им легион
и не цезарь и цензор
или рецезент
видите ли

и даже не телевизор

а кто делает ее

автор и автор/

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 (художники)	1
2 (поэты)	27
ПРИЛОЖЕНИЕ	34
ИЗ ПИСЕМ И СТАТЕЙ	36
В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ИСКУССТВО"	36
ОБЯЗАННОСТЬ ЗНАТЬ	41
"АНДЕРГРАУНД"	46
ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ "ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"	48
ВЫ ПОЗВОЛИТЕ, Я ВСЕ ЖЕ ОТВЕЧУ	50
В ДИРЕКЦИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ	53
ПРОШУ ИЗВИНЕНИЯ	55
ЛИАНОЗОВСКАЯ ГРУППА. ЛИАНОЗОВСКАЯ ШКОЛА	56
МОЯ ЛИАНОЗОВСКАЯ ХРОНИКА	72
ВРОДЕ РЕЗЮМЕ	78

С Е М Ь В Е Ч Е Р О В

ЛИАНОЗОВО - МОСКВА. ХУДОЖНИКИ И ПОЭТЫ

В этой программе выставок и вечеров музей знакомит с творчеством неофициальных художников и близких им поэтов с 1950-х по 90-е годы

В ы с т а в к и

- 27 марта - 9 апреля О.Рабин
- 10 - 16 апреля Н.Вечтомов, В.Кропивницкая, Е.Кропивницкий.
Л.Кропивницкий, Л.Мастеркова, В.Немухин,
О. Потапова
- 17 - 26 апреля Э.Булатов, О. Васильев, Г. Ивановская,
Ф.Инфантэ, И.Кабаков, Н.Касаткин.
О.Шаблавин и другие художники

В е ч е р а

- 27 марта Поэты И.Холин, Г.Сапгир, Вс.Некрасов.
Искусство без разрешения. Лианозово, какое оно было?
Вечер ведет критик Вл.Кулаков
- 29 марта Поэты И.Холин, Г.Сапгир
- 10 апреля Е.Л.Кропивницкий. Поэт и художник
Вечер ведет художник и поэт Л.Е.Кропивницкий
- 17 апреля Вс.Некрасов
Об этой выставке. Стихи
- 19 апреля Я.Сатуновский. М.Соковнин
Авторские чтения в записях. Воспоминания о поэтах
- 24 апреля Поэты И.Ахметьев, Л.Рубинштейн
- 26 апреля Поэт М.Сухотин
А.Левин. Поэт поёт

Начало вечеров в 18час. 30 мин.
Билеты продаются в кассе музея
Справки по телефону 923-73-43, 921-73-95

1 9 9 1

Некрасов В.Н
Лянозово. М.: Век XX и мир, 1999. ISBN 5 – 7834- 4
ББК 67.1(3)7

Всеволод Некрасов
«Лианозово»

«Век XX и мир»
Москва
Малый Гнезниковский переулок,
Дом 9, стр. 3 Б

Тел. 095-2299686
Факс 095-2321431

Тираж 500 экз.

Москва 1999

© Всеволод Некрасов
© «Век XX и мир»